

КОНСТАНТИН МАСАЛЬСКИЙ

СТРЕЛЬЦЫ

Россия державная

Константин Масальский

Стрельцы

«Public Domain»

1832

УДК 821.161.1
ББК 84(2Рос=Рус)

Масальский К. П.

Стрельцы / К. П. Масальский — «Public Domain»,
1832 — (Россия державная)

ISBN 978-5-486-03632-3

Константин Петрович Масальский (1802–1861) – популярный русский писатель середины XIX в. В 1821 г. окончил дворянский пансион при Петербургском университете; служил в министерствах внутренних и иностранных дел. Напечатал в журналах и выпустил отдельно множество романов, повестей и пьес, главным образом исторических. Кроме того, он написал несколько исторических работ, а также впервые перевел с подлинника «Дон Кихота» Сервантеса. Масальский не обладал крупным литературным дарованием, но живость и внешняя занимательность его произведений, в которых часто присутствует почти детективная интрига, создали им успех в 30—40-х гг. XIX в. В данном томе публикуется роман «Стрельцы», в котором автор, сочетая увлекательную интригу с исторической достоверностью, воссоздает события конца XVII и начала XVIII в. – времена Хованщины и стрелецких бунтов, когда России предстояло сделать выбор между патриархальной стариной и крутым взлетом Петровских реформ.

УДК 821.161.1
ББК 84(2Рос=Рус)

ISBN 978-5-486-03632-3

© Масальский К. П., 1832
© Public Domain, 1832

Содержание

Часть первая	9
I	9
II	12
III	17
IV	21
V	25
VI	29
VII	33
VIII	37
IX	40
X	43
Часть вторая	48
I	48
II	56
III	60
Конец ознакомительного фрагмента.	61

Константин Петрович Масальский

Стрельцы

© ООО ТД «Издательство Мир книги», оформление, 2010

© ООО «РИЦ Литература», 2010

* * *

Должно знать, как искони мятежные страсти волновали гражданское общество и какими способами благотворная власть ума обуздывала их бурное стремление, чтобы учредить порядок, согласить выгоды людей и даровать им возможное на земле счастье.

Карамзин

Действие в сем романе начинается со вступления на престол Петра Великого и продолжается до заключения в монастырь царевны Софии Алексеевны (1682–1689). Время сие представляет ряд событий, принадлежащих, без сомнения, к числу самых занимательных в истории нашего отечества.

Сочинитель хотел в форме романа представить сии события со всею возможною подробностью и верностью, держась не столько повествовательного, сколько драматического способа изложения. В повествовании, сколь бы оно ни было совершенно, мы слышим рассказ автора, разделяем с ним его мысли и чувствования. В драме мы видим самые лица, действовавшие во время события, узнаем характер их и страсти, намерения и желания, добродетели и пороки не из рассказа, а из слов и поступков их. Мы становимся сами свидетелями минувшего, живее желаем успеха добродетельному, сильнее чувствуем отвращение к злодею, яснее усматриваем странности, предрассудки и слабости прошедшего века, сильнее ужасаемся преступлений и удивляемся подвигам, одним словом, сами переносимся в прошедшее и живем с нашими предками. История сделалась бы еще занимательнее, если б драматический способ изложения был для нее возможен. Но историк может только вложить в уста своих героев такие слова, которые сохранились в летописях или в других исторических актах, хотя часто слова сии принадлежат летописцу, а не герою; должен соображать исторические материалы, часто одни другим противоречащие, и, освещая мрак прошедшего светильником исторической критики, говорить читателю: так было, или так должно было быть. Для него необходим слог повествовательный, коего главные достоинства суть сила и краткость. Чем более расскажет он важных и замечательных происшествий и чем короче будет рассказ его, тем большую он окажет услугу читателю. Представляя картину целых веков и тысячелетий, он по необходимости должен упускать подробности, часто весьма занимательные и любопытные, дабы не быть принужденным написать вместо одного тома десять. Подробности сии суть сокровища для исторического романиста. В четырех томах историк опишет четыре века, а романист – четыре года, или далее месяца, и никто ему слова не скажет, если только книга его приятна и заманчива. Историк, имеющий цель высшую, а не одно удовольствие читателей, часто обязан описывать события мало занимательные, но важные по своим последствиям. Романист имеет полное право умолчать об оных и рассказать подробно только то, что может приятно занять читателя. Историк открывает истину в прошедшем, вечные законы, управляющие миром, и созерцает события, как философ, заботясь не столько об удовольствии, сколько о поучении читающих. Исторический романист старается представить прошедшее в заманчивом и привлекательном виде и заботится преимущественно об удовольствии читателей, не выставя слишком явно философическую или поучительную цель, которая должна быть и в романе. Однако ж романист не должен отступать от истины в происшествиях важных. Выводимые им на сцену историче-

ские лица должны говорить и действовать сообразно с их истинными характерами. Слова и поступки их не должны нисколько противоречить истории. Одежда, нравы, обычаи и обряды, состояние религии, нравственности и умственного образования, дух законодательства должны быть романистом представлены в верной картине, которая не отвлекала бы, однако ж, внимания от хода происшествий. В происшествиях сих должно действовать преимущественно одно главное лицо. Оно может быть вымышленное или историческое. В последнем случае всего лучше избирать такое лицо, которого судьба достаточно не объяснена историею, дабы читателю не была наперед известна развязка романа. В вымыслах, необходимых для завязки и развязки, должно строго соблюдать правдоподобие и дух времени, которое описывается, и стараться все вымышленные происшествия представлять в связи с истинными, как последствия оных, как подробности, дополняющие и объясняющие повествование истории или по крайней мере ей не противоречащие. Вот мысли, которые сочинитель имел в виду, принявшись за роман. Справедливы ли они и исполнил ли сочинитель все, самому себе предписанное, – решат критики и просвещенные читатели. Сочинитель слишком далек от того, чтобы мнения свои считать безошибочными и опыты совершенными. Он искренно будет признателен благонамеренной критике, если она укажет ему ошибки в его мнении об исторических романах и недостатки в его сочинении.

Нравственная цель сего романа состоит в том, чтобы представить в верной картине ужасы мятежей и безначалия, вредные последствия насильственных переворотов в государстве, правосудие Провидения, не оставляющего без наказания виновников возмущений, и достойные подражания примеры преданности церкви, престолу и Отечеству.

Дабы не развлекать внимания читателя при чтении романа так называемыми историческими примечаниями, сочинитель ограничился весьма немногими, которые были необходимы для пояснения некоторых мест и старинных выражений в сей книге, и поместил в конце четвертой части указание источников, на коих каждая глава основана, не выписывая, однако ж, ничего из оных и не показывая своих изысканий и соображений. Для критика легко будет по сим указаниям решить: с достаточным ли старанием и успехом сочинитель употреблял исторические материалы. Но дабы читатели прежде сего решения могли хотя несколько удостовериться, что он не жалел труда и не упускал из вида даже мелочей, достаточно будет привести несколько примеров.

В I части «Деяний Петра Великого» на странице 158 сказано, что в первый бунт стрельцов, начавшийся 15 мая 1682 года и продолжавшийся три дня, убит был в числе прочих бояр князь Михаил Алегукович Черкасский. Сумароков в Описании означенного бунта пишет на странице 31, что князь сей защищал от стрельцов боярина Матвеева, но о смерти его ничего не говорит. В VII части «Древней Российской Вивлиофики» на страницах 481 и 482 сказано, что 8 июля 1682 года участвовал князь в церковном ходе из Успенского собора к церкви Казанской Божией Матери и сопровождал 13 июля царей Иоанна и Петра Алексеевичей в Троицко-Сергиевский монастырь. Из этого видно, что показание в «Деяниях Петра Великого» о смерти князя неосновательно и что он, вероятно, был только легко ранен; ибо менее нежели через два месяца после бунта участвовал уже в церковном ходе.

Сумароков в Описании бунта на странице 22, исчисляя заговорщиков, способствовавших боярину Милославскому к произведению мятежа, называет между прочим Ивана и Петра Андреевичей Толстых, не означая звания их. В «Деяниях знаменитых полководцев и министров, служивших в царствование Петра Великого», во II части на странице 61 сказано, что Петр Толстой служил стольником при царе Феодоре Алексеевиче, а потом комнатным стольником при царе Иоанне Алексеевиче. Так как заговор Милославского произведен в действие после смерти Феодора и до возведения на престол Иоанна, то и видно из сего, что Петр Толстой был в то время стольником. Сверх того в VII части «Древней Российской Вивлиофики» на странице 397 в списках лиц, которые дневали и ночевали в церкви Архангела Михаила при

гробнице царя Феодора Алексеевича, показаны в числе стольников Иван и Петр Андреевич Толстые.

В VII части «Древней Российской Вивлиофики» на странице 386 видно, что 28 апреля в 5-м часу дня начался обряд погребения царя Феодора Алексеевича, скончавшегося 27 апреля 1682 года. По свидетельству Маржерета (с. 24), Кемпфера (с. 361) и других иностранцев, писавших о России, предки наши погребали мертвых до истечения 24 часов после смерти, не исключая из сего правила и государей. Посему молено было полагать, что царь Феодор Алексеевич умер 27 апреля, вскоре после 5-го часа дня¹. Но в томе III «Дополнения к деяниям Петра Великого» на странице 197 напечатана надпись, начертанная на образе, поставленном у гробницы Феодора. Из сей надписи видно, что он умер в 13-м часу дня в 1-й четверти. В Объявлении же, напечатанном в «Полном Собрании Законов Российской Империи», в томе II на странице 384 сказано, что царь скончался в 12-м часу дня². Сочинитель предпочел последовать сказанному в вышеозначенной надписи.

В XIV части «Древней Российской Вивлиофики» на странице 109 помещено в стихах царю Феодору Алексеевичу надгробное слово, из коего видно, что он умер в четверток. Посему можно было узнать, что 14 мая, день, назначенный заговорщиками для бунта, был понедельник. Таким образом можно было рассчитать, где было сие в романе нужно, какие дни были в известные числа, замечательные по каким-нибудь событиям.

В VII части «Древней Российской Вивлиофики» на странице 375 и следующих помещены два различных известия о вступлении Петра I на престол. Сочинитель сей статьи говорит: «Читателю благоразумному оставляется из обоих сих известий выбирать то, что имовернее, или оба согласить, сколько обстоятельства то позволяют». Сам же он ничего не решает. Известия сии содержатся в записках Разрядного и Посольского архивов. В записках первого сказано, что по смерти царя Феодора Алексеевича патриарх и Государственная Дума совещались о наследовании престола и положили избрать царя общим согласием людей всех чинов Московского государства; что избран был царем Петр Алексеевич; что Дума согласилась с сим избранием и патриарх благословил Петра на царство. В записках же Посольского архива не упоминается ничего о сем избрании, а сказано, что царевич Иоанн уступил престол брату потому, что у него здравствует его мать, царица Наталья Кирилловна; и что по просьбе духовенства, Думы и народа Петр Алексеевич принял царский венец. Голиков на странице 151 «Деяний Петра Великого», в I части, старается согласить сии записки, полагая, что после отречения Иоанна Алексеевича от престола патриарх и бояре из осторожности рассудили предоставить избрание царя на волю всех чинов и народа. Галем в *Leben Peters des Grossen*, в I части, на странице 31 и 32 последовал запискам Разрядного архива, а на странице 281, приводя оба известия, замечает странность причины, побудившей царевича Иоанна уступить престол брату, и сомневается в отречении его. Вероятно, говорит он, слабый царевич сам выдумал сию причину для прикрытия настоящей. А Бергман в сочинении своем *Peter der Grosse als Mensch und Regent*, в I части, на странице 106, заметив также противоречие в помянутых записках двух архивов, пишет, что царевич Иоанн из вопроса патриарха «кому из них престол наследовать?» заметил желание предпочесть ему младшего брата и решился добровольно уступить ему корону; ибо (сказал он) родительница его, Наталья Кирилловна, жива; и что патриарх объявил о сем отречении царевича народу, который воскликнул: «Да будет царем нашим царевич Петр Алексеевич!» Далее, говорит Бергман, следуя Голикову, что все присягали царю Петру 10 мая 1682 года. Но из Объявления (Манифеста), напечатанного во II томе «Полного Собрания Законов Российской

¹ Часы разделялись тогда на дневные и ночные. С восходом солнца начинался 1-й час дня. Счисление дневных часов продолжалось до захождения солнца. После солнечного заката начинался 1-й час ночи. Счисление ночных часов продолжалось до восхода солнца. См. Мейерберга «Путешествие по России». С. 269.

² 27 апреля солнце восходит в Москве в 4 часа 12 минут, а заходит в 7 часов 48 минут. Следовательно, царь Феодор умер, по нынешнему счислению часов, в 4 часа 27 минут пополудни, за 3 часа 21 минуту до захождения солнца.

Империи» на странице 384, видно, что все, сказанное в записках Разрядного архива, справедливо; что Петр был избран народом и что все присягали ему 27 апреля (а не 10 мая), не исключая и стрельцов, о которых Сумароков пишет, что они не признали общенародного избрания и не присягали Петру. Записки Разрядного архива, очевидно, заимствованы из означенного Объявления, изданного 27 апреля, а записки Посольского согласны с актом, изданным 26 мая 1682 года после переворота, произведенного царевною Софиею. В акте сем объявлено о совокупном вступлении на престол Иоанна и Петра и о поручении ей управления государством. (См. II том «Полного Собрания Законов Российской Империи», с. 398.) После сего понятно, почему в сем акте умолчано об избрании Петра на царство и о присяге стрельцов; почему причиною уступки престола Иоанном брату выставлено только то, что мать Петра, царица Наталья Кирилловна, здравствует и почему, наконец, не сходны официальные записки двух архивов.

Таким образом, сочинителю легко было бы увеличить историческими примечаниями вес своего сочинения; но он боялся, чтобы этот вес не подействовал на одни весы почтамта и чтобы сочинение его не сделалось вместе с тем легче на весах критики, ибо она могла бы укорить автора за нанесение читателям скуки множеством примечаний, которые послужили бы только к тому, чтобы показать труды его в изыскании и соображении материалов.

Места в романе, напечатанные косыми буквами, заключают в себе выписки, без всякой перемены слога, из исторических источников или для показания, как у нас в описанное в романе время выражались и писали, или для приведения подлинных слов и письменных актов, почему-нибудь любопытных и замечательных.

Сон, описанный в I части романа, вымышлен. Сочинитель в сем случае воспользовался правом романиста, не обязанного все без исключения основывать на исторических источниках. Может быть, станут его осуждать за несоблюдение правдоподобия; ибо многие считают, что сны не могут предсказывать будущего. Но сочинитель оправдывается свидетельством новейших германских психологов, которых нельзя укорить в суеверии или в неосновательности. Основываясь на опытах, они пишут, что деятельность души во время сна совершенно отличается от ее деятельности во время бодрствования, подлежа чудесным, непостижимым законам, и что сны, хотя и редко, могут предсказывать будущее, равно как и возобновлять в душе такие представления, которые у человека в состоянии бодрствования давно уже изгладились из памяти.

Длинное предисловие, вероятно, навело уже скуку на почтенных читателей. Сочинитель почтет себя счастливым и вознагражденным за труды, если роман его успеет произвести на них противное действие.

Часть первая

I

*Где стол был яств, там гроб стоит,
Где пиршеств раздавались лики,
Надгробные там воют клики,
И бледна смерть на всех глядит.
Глядит на всех, – и на царей,
Кому в державу тесны миры,
Глядит на пышных богачей,
Что в злате и серебре кумиры;
Глядит на прелесть и красы,
Глядит на разум возвышенный,
Глядит на силы дерзновенны
И точит лезвие косы.*

Державин

Лучи заходившего солнца играли на золотых главах церквей кремлевских. Улицы и площади пустели. На лице каждого прохожего можно было заметить задумчивость, уныние и беспокойство.

– Прогневали мы, грешные, Господа Бога! – сказал купец Гостиной сотни Лаптев³, подходя к дому своему с приятелем, пятидесятником Сухаревского стрелецкого полка Борисовым. – Царь, говорят, очень плох! Уж изволил приобщиться и собороваться. Того и жди, что... да нет! И выговорить страшно!

– Бог милостив, Андрей Матвеевич! – сказал пятидесятник. – К чему наперед унывать и печалиться. Авось царь и выздоровеет.

– Дай Господи! да куда же ты торопишься, Иван Борисович. Шли мы далеко, устали. Неужто не зайдешь ко мне отдохнуть? Жена бы поднесла вишневки. Не упрямясь же, потешь приятеля. Этаким несговорчивый! Словно подьячий⁴ Судного приказа!

С этим словом купец, схватив одною рукою пятидесятника за рукав, другою взялся за кольцо и застучал в калитку. На дворе раздался лай собаки, и через минуту приказчик Лаптева, сбежав поспешно с лестницы, отворил калитку.

– Ванюха! Беги в светлицу к хозяйке и скажи, чтоб принесла нам фляжку вишневки да что-нибудь для закуски. Слышь ты, мигом! Его милости не время дожидаться.

Вслед за побежавшим приказчиком хозяин повел гостя на лестницу. Потом через стекольчатые стены и темный чулан, где лежало несколько груд выделанной кожи и сафьяна, вошли они в чистую горницу. Два небольшие окна ее были обращены на Язу. В одном углу горела серебряная лампада перед образами старинной живописи, в богатых окладах. Другой

³ Купечество разделялось тогда: 1) на гостей, 2) на купцов Гостиной сотни, 3) Суконной и 4) Черных сотен и слобод. Гостям особыми царскими грамотами давались разные преимущества. Они, по свидетельству Кильбургера, были царские коммерции советники. Торговлю производили оптовую, как внутри государства, так и за границу, особенно в Персии. Место, где складывались их товары, называлось Гостиным двором. Купцы Гостиной сотни производили торговлю разными товарами внутреннюю и имели дело с иностранными купцами в Архангельске. Купцы Суконной сотни торговали сукнами и другими шерстяными товарами. Оба сии разряда по особым дозволениям правительства имели право ездить и за границу. Купцы Черных сотен и слобод производили внутреннюю мелочную торговлю, нередко собственными своими изделиями. (Примеч. автора.)

⁴ Подьячий – служащий центральных и местных учреждений России XVI – начала XVIII в. Делились на старых, средней статьи и молодых.

угол занимала пестрая изразцовая печь с лежанкой. Подле дверей, в шкафе со стеклами, блестяли серебряные ковши и чарки, оловянные кружки и другая посуда. Перед одним из окон стоял большой дубовый стол, накрытый чистою скатертью, и придвинутая к нему скамейка, покрытая пестрым ковром с красною бахромою. В этом состояли все украшения комнаты. Помолясь образам и посадив гостя к столу, хозяин, потирая руки, в молчании ожидал вишневки. Наконец дверь отворилась. Приказчик поклонился низко гостю и, поставив перед хозяином пирог на оловянном блюде и фляжку с двумя серебряными чарками, вышел.

– Милости просим выкушать! – сказал Лаптев, налив чарку.

– А ты-то что же, Андрей Матвеевич? Разве я один пить стану?

– И себя не обнесем! – отвечал хозяин, наливая другую чарку. – Ох, Иван Борисович! – продолжал он, вздохнув. – Сердце у меня замирает! Что-то будет с нашими головешками, как батюшки-царя у нас не станет!

– Опять ты загоревал, Андрей Матвеевич. Что будет, то и будет! Что унывай, то хуже! Ну, если б даже – от чего сохрани Господи! – и скончался царь; святое место не будет пусто! Взойдет на престол наследник.

– Вот то-то и горе, Иван Борисович, что наследников-то у нас двое: царевич Иван Алексеевич⁵ да царевич Петр Алексеевич. Знакомый мне из Холопьяго приказа подьячий вчера у меня ужинал. Человек нужный. Я его, ты знаешь, угостил. Он, бог с ним, выкушал целую фляжку настойки да и поразговорился о разных важных делах. Сначала мне любо было его слушать, а напоследки таково стало страшно, что меня дрожь проняла. Я было его унимать, а он пуще задорится. Так настрашал, проклятый, что я целую ночь глаз не смыкал!

– Да что ж он тебе говорил такое?

– Говорил-то он мне много! Всего и не вспомнишь! – отвечал Лаптев, понизив голос и поглядывая на дверь с некоторым беспокойством, желая удостовериться, плотно ли она затворена. – Да ты, Иван Борисович, я чай, сам все знаешь!

– Ничего я не знаю. Уж если заговорил, так договаривай. Ведь из избы сору не вынесу. Неужто меня опасаться?

– Чего тебя опасаться, Иван Борисович! Ведь ты не сыщик Тайного приказа, прости господи, а мой старинный приятель и кум. Выпьем-ка еще по чарке, так авось и порасхрабрюсь. Твоя милость и без чарки не трусливого десятка, а я так нет! Мы люди робкие, смиренные! Пуганая ворона и куста боится. За твое здоровье, друг любезный!

Осушив чарку, Лаптев продолжал:

– Ну так изволишь видеть, куманек. Подьячий, – типун бы ему на язык! – говорил вот что. Царь-де очень плох, того и смотри, что Богу душу отдаст.

– Дай Господи ему Царство Небесное! Тьфу пропасть! Многие лета!

– А коли он скончается, то будет худо, очень худо! Я, слышь ты, рассказывать-то не мастер. Покойный крестный батюшка часто за это меня бранивал и твердил: «Не умеешь говорить, так больше кланяйся!»

– Да не в этом дело! Что ни говори, а уж беды нам не миновать.

– Да растолкуй мне, Андрей Матвеевич, какой беды?

– То-то и беда, что я рассказывать не мастер. Подьячий, – провал его возьми! – сказывал, что, если царь, слышь ты, скончается, так и пойдет потеха! Блаженной памяти царь Алексей Михайлович, когда был еще жив, хотел царевича Петра назначить по себе наследником, да царевна Софья Алексеевна⁶ помешала. Всем известно, что Иван Алексеевич слабенец здоро-

⁵ Царевич Иван Алексеевич (1666–1696) – пятый сын царя Алексея Михайловича от брака с М. И. Милославской. После смерти царя Федора Алексеевича царем первоначально был провозглашен один Петр. В мае 1682 г. после выступления стрельцов царями были объявлены оба брата.

⁶ Царевна Софья Алексеевна (1658–1704) – третья дочь царя Алексея Михайловича от брака с М. И. Милославской. В мае 1682 г. была провозглашена правительницей при малолетних царях Иване Алексеевиче и Петре Алексеевиче. В сентябре

вьем. Вот, слышь ты, нынешний царь Феодор Алексеевич⁷ также объявил желание и написал грамоту, чтобы престол достался после него Петру Алексеевичу. А Софья-то Алексеевна опять помешала. Подъячий болтал, что ей самой хочется царствовать и что она прочит на престол Ивана Алексеевича. Царевна-де думает: он будет хворать, а я делами управлять. Многие бояре ей помогают. Не в обиду твоей милости будь сказано, они подговаривают и стрельцов. Уж быть потехе!

– Ты, кажется, Андрей Матвеевич, человек разумный, а веришь бредням пьяного подъячего. Желал бы я знать: кто бы меня мог подговорить! Сам Сатана не прельстит твоего кума, хоть золотые горы сули!

– Дай Господи, как бы все стрельцы так думали; да ведь не все похожи на твою милость. В семье не без урода! Притом, если какой-нибудь боярин втайне станет подговаривать, давать рублики; уговорит, умаслит, скажет, что царь приказал. Долго ли, куманек, вдаться в обман.

– Нет, Андрей Матвеевич! Трудно обмануть того, кто Бога помнит, царя почитает и ближнего любит, как следует православному христианину.

– Разумные речи, Иван Борисович, разумные речи! И Писание все это повелевает. Подъячий меня напугал, а ты утешил. Выпьем же за здоровье нашего батюшки-царя Феодора Алексеевича!

С этими словами Лаптев наполнил снова чарки вишневою. Приятели встали, обнялись, поцеловались и лишь только хотели взяться за чарки, как вдруг раздался в Кремле колокольный звон.

– Что это значит? – сказал Борисов. – Кажется, набат?

– Нет, куманек. Что-то больно заунывно звонят, да и все в большие колокола. Ох, Иван Борисович! Что-нибудь да неладно! Посмотри-ка, посмотри, как народ бежит по улице.

Лаптев открыл окно и, увидев знакомого купца, закричал:

– Иван Иванович! Иван Иванович! Куда ты бежишь? Аль на пожар?

– Худо, Андрей Матвеевич! Очень худо! – отвечал купец, остановясь и запыхавшись. – Меня едва ноги несут.

– Да скажи, не мучь! Что наделалось?

– Нашего батюшки-царя не стало! – отвечал купец и побежал далее.

Как громом пораженный, Лаптев отскочил от окна, сплеснув руками. Стрелец, изменяясь в лице, перекрестился. Долго оба не прерывали молчания. Наконец Лаптев, после нескольких земных поклонов пред образом Спасителя, закрыл лицо руками, и слезы покатились по бледным щекам его. «Упокой Господи душу его во Царствии Небесном!» – сказал он. Борисов, крепко обняв хозяина, в мрачной задумчивости вышел из его дома, поспешая явиться в полк, а Лаптев взял под образами лежавший свиток бумаги, на котором написаны были святцы⁸, и дрожащею рукою отметил на стороне, подле имени святого Симеона: «Лета 190⁹ Апреля в 27 день, в четверток, в 13 часу дня, преставился православный государь, царь и великий князь Феодор Алексеевич».

1689 г. после столкновения с Петром I лишена этого титула и поселена в Новодевичьем монастыре.

⁷ Царь Феодор Алексеевич (1661–1682) – третий сын царя Алексея Михайловича и его первой жены М. И. Милославской. Получил европейское образование, владел польским и латинским языками, писал стихи, был любителем математики. Венчан на царство в июле 1676 г.

⁸ Святцы – перечень праздников и святых по дням, в которое отмечается их память.

⁹ 7190 от сотв. мира – 1682 по Рожд. Христове

II

*Заря багряною рукою
От утренних спокойных вод
Выводит с солнцем за собою
Твоей державы новый год.*
Ломоносов

Часы на Фроловской башне пробили 14-й час дня. Во дворце собралась Тайная Государственная Дума. В правой стороне обширной залы со сводами, поддерживаемыми посредине колонною, между двух окошек стоял сияющий золотом престол с заостренными столбиками по сторонам и с остроконечною крышею. Над нею блестел двуглавый орел. Под крышею, на задней стенке престола видна была икона Божией Матери, над царскими креслами. С правой стороны, на невысокой серебряной пирамиде, накрытой золотою тканью, лежала осыпанная драгоценными камнями держава¹⁰. По всему полу залы пестрели персидские ковры, а около стен возвышались, четырьмя ступенями от пола, обитые красным сукном скамьи. Голубые штофные¹¹ занавесы, висевшие на окнах, препятствовали лучам солнца проникать в залу. Стены были украшены иконами, древними картинами и серебряными подсвечниками, в равном расстоянии один от другого прикрепленными. Горевшие в них восковые свечи разливали по зале тусклый свет и освещали сидевших на скамьях патриарха, митрополитов¹², архиепископов¹³, бояр, окольничих и думных дворян¹⁴. Думные дьяки¹⁵ стояли в некотором отдалении. В зале царствовала глубокая тишина, и взоры всех устремлены были на патриарха Иоакима¹⁶. Наконец он встал и, благословив собрание, сказал:

– По воле Бога Вышнего, сотворшаго небо и землю, в Его же Деснице судьба всех царств земных и народов, православный государь наш, царь и великий князь Феодор Алексеевич прешел из сея временныя жизни в вечную. Да совершается святая воля Его, и да будет благословенно имя Его. В сокрушении сердца вознесем мольбы о упокоении души преставляшагося царя и о даровании сиротствующему граду сему и всей России царя нового. Благоверному царевичу Иоанну Алексеевичу подобает вступить на престол прародительский; но он изрек волю свою нам, зовущим его на царство. Он вручает державу брату своему, благоверному царевичу Петру Алексеевичу. Сего ради, по воле благочестивейшей царицы Натальи Кирилловны¹⁷, мерность наша¹⁸ призывает собрание сие: да помолимся Господу Богу, направляющему сердца праведных ко благу, и да изберем царя и государя всея России.

¹⁰ Держава – эмблема царской власти: золотой шар с крестом наверху.

¹¹ Штоф – шелковая плотная ткань.

¹² До патриарха Иоакима было в России 5 митрополитов. Он умножил число их до 12. (Примеч. автора.)

¹³ Архиепископ – епископ, в ведении которого находится автономная епархия.

¹⁴ Думный дворянин – дворянин, входивший в состав Боярской думы.

¹⁵ Думный дьяк – дьяк, входивший в состав Боярской думы (четвертый по значению чин в правительственной иерархии XVI–XVII вв.).

¹⁶ Патриарх Иоаким (в миру Иван Савелов) (1620–1690) – возведен на патриарший престол в 1674 г. Находился в оппозиции к правительнице Софье и поддерживал партию Нарышкиных. Сыграл важную роль в отстранении Софьи от власти.

¹⁷ Царица Наталья Кирилловна (1651–1694) – вторая жена царя Алексея Михайловича. От этого брака родилось трое детей: сын Петр и дочери Наталья и Феодора. Вторым браком Алексея Михайловича привел к острому соперничеству между Нарышкиными и Милославскими, родственниками первой жены царя.

¹⁸ Так называли себя патриархи. (Примеч. автора.)

В продолжение речи, каждый раз, когда патриарх произносил имя Божие, присутствующие, снимая свои высокие соболы и черные лисьи шапки, крестились. Когда патриарх сел на место, встал боярин Милославский¹⁹ и сказал:

– Не нам, рабам и верным слугам царским, решать: кому из царевичей престол наследовать. Искони велось, чтобы старший сын царя был наследником престола. Какое имеем мы право мимо старшего брата звать на царство младшего? Царевичу Иоанну следует принять державу.

– Разве ты не слышал, Иван Михайлович, что говорил святейший патриарх? – возразил брат царицы, боярин Нарышкин. – Разве можно принудить царевича Иоанна вступить на престол, когда он того не хочет?

– Так, Иван Кириллович! – сказал Милославский. – Принуждать нельзя, а просить можно. Может быть, он и переменит свое намерение.

– Царевича уже просили, он отказался, так в другой раз просить непригоже! – возразил Нарышкин.

– Полно, так ли, Иван Кириллович? Хоть здесь, в собрании, и не следовало бы говорить, какие по Москве слухи носят, – однако ж и скрыть грешно. Многие думают, что царевича Иоанна принудили отказаться от престола.

– Да кто ж бы его мог принудить? – спросил начальник Стрелецкого приказа, князь Михаил Юрьевич Долгорукой²⁰.

– Почему мне знать? Я этому и сам не верю, а говорю только, что слухи носят.

– Не всякому слуху верь, Иван Михайлович! – продолжал Долгорукой. – Можно спросить самого царевича. Стыдно тогда тебе будет, когда все увидят, что ты напрасно наводишь на ближнего подозрение. Я вижу, на кого ты метишь.

– Неужто ты думаешь, что я говорю о царице Наталье Кирилловне? Сохрани меня, Господи! Царица так беспристрастна и справедлива, что никогда не предпочтет даже родного сына пасынку.

Последние слова Милославский произнес с иронической улыбкой, которая явно открывала его настоящие мысли. Бояре разгорячились. Начался между ними жаркий спор, в котором постепенно и все собрание приняло участие. Наконец Дума решила: *«Быть избранию на царство общим согласием всех чинов Московского государства людей»*. Дьяки записали решение Думы. Между тем на площади перед дворцом собрались стольники, стряпчие, московские дворяне, дьяки, жильцы, городовые дворяне, дети боярские, гости, купцы и других званий люди²¹. Стрельцы, предводимые своими полковниками, явились на площади и построились в ряды. Некоторые полки были в темно-зеленых, другие в светло-зеленых кафтанах, застегнутых на

¹⁹ Милославский Иван Михайлович, князь – родственник первой жены царя Алексея Михайловича Марии Ильиничны. Возглавлял партию Милославских. Был одним из организаторов стрелецкого выступления в мае 1682 г.

²⁰ Долгоруков (Долгорукий) Михаил Юрьевич – служил при дворе царя Алексея Михайловича. Был одним из наиболее приближенных людей царя Федора Алексеевича. После смерти Федора Алексеевича выступил как сторонник партии Нарышкиных. Убит стрельцами 15 мая 1682 г.

²¹ Стольники были придворные чиновники, прислуживавшие при царском столе. В стольники обыкновенно жаловали дворян, стрелецких полковников, которые сохраняли притом и военную свою должность, и детей знатных отцов. Стряпчие были также придворные чиновники, заведовавшие платьем царя и имевшие смотрение за съестными припасами, заготавливавшимися для царского стола. Они одевали государя, ходили и ездили за ним и исполняли разные мелочные его поручения. Звание дворянина жаловалось особыми царскими указами, лично, а не потомственно. Жалованья дворяне не получали, а содержались доходами с поместий. Обязанность их была являться ко двору в праздничные дни в светлом платье, для умножения придворного великолепия. Они употреблялись также для военной и гражданской службы. Московские дворяне считались выше городовых. Последними имели право распоряжаться в мирное время главные городские начальники. Дьяки были секретари разных приказов. Жильцами назывались молодые люди из детей боярских, детей дворян, стряпчих и стольников, служившие по наряду в столице. Они составляли московское охранное войско, развозили указы царские и употреблялись для разных посылок. Во время мира они жили в Москве по три месяца и потом сменялись другими своими товарищами. Дети боярские составляли конное земское войско. Для содержания их жаловались им от казны поместья. Название свое получили они оттого, что в походах и сражениях находились при боярах и их охраняли. (Примеч. автора.)

груды золотыми тесьмами. Каждый был вооружен саблею, ружьем и блестящею секирой, имевшею вид полумесяца. Стрельцы воткнули перед собою секиры в землю и подняли ружья на плечо. Над рядами их развевалось множество знамен белых, красных и черных, с изображением Страшного Суда, архангела Михаила и других предметов, заимствованных из священной истории. На некоторых видны были желтые и красные львы. Ко дворцу примыкал Сухаревский полк; на крае правого крыла стоял пятидесятник Борисов.

Князь Долгорукой, выйдя из дворца, сел на белого персидского коня, на котором блистал шитый золотом чепрак²² из алого бархата. Объехав ряды стрельцов, он приказал стоять вольно. Полковники, подполковники, пятисотенные, сотники и пятидесятники вложили сабли в ножны, а стрельцы составили ружья в пирамиды и, не сходя с мест своих, начали разговаривать между собою и с толпящимся на площади народом.

– Вот и я здесь, Иван Борисович! – сказал купец Лаптев, увидев Борисова и подойдя к нему. – Хотел было остаться дома: сынишка маленький очень что-то прихворнул. Да сердце не утерпело! Хочется проститься с батюшкой-царем. Мне сказали, что всех пускать будут.

– Да, всех. Царица Марфа Матвеевна приказала. Я думаю, скоро пустят. Теперь патриарх служит панихиду. Служба уж довольно давно началась. Завтра в пятом часу дня назначено погребение в Соборной церкви Архангела Божия Михаила.

– Дай, Господи, усопшему Царство Небесное. Добрый и милостивый был царь!.. Чай, плачет царица?

– Плачет, что река льется! Легко ли, Андрей Матвеевич, через два месяца после венца овдоветь!

– Утешь ее, Господи, и помилуй нас, грешных! А кто наследник-то по царе?

– Да бог весть. Говорят разное.

– Хорошо было бы, как бы Петр Алексеевич! Недавно видел я обоих царевичей в селе Коломенском, на соколиной охоте. Старший-то такой бледный и задумчивый. Глазки все в землю потуплять изволит. А младший – настоящий сокол! На обоих я вдоволь насмотрелся. Я, слышь ты, узнал, что в Коломенском будет соколиная охота, встал до заутрени и поехал с приятелями в село, к знакомому подсокольнику. Он сказал мне, что охота будет на поле, неподалеку от Коломенского, подле березовой рощи. Мы туда! Вошли в рощу, и лишь только принялись за пирог, который я взял на дорогу, как вдруг затрубили в рога и послышался конский топот. Мы все бегом на край рощи и влезли на высокие березы. Ты ведь знаешь, что никому не велено смотреть на соколиную охоту. Царевичи остановились неподалеку от березы, на которой я сидел. Подсокольничие²³ пустили журавля. Длинноногий полетел! Выше, выше, выше! Чуть из глаз не ушел. Тогда сокольничий спустил кречета. Взвился словно стрела! Мигом нагнал журавля; начал над ним кружиться, кружиться и вдруг сверху как налетит на него да как ударит! Ах ты господи! Только перья полетели. Потом еще, еще! Так и бьет! Длинноногий ринулся вниз, словно камень. Тотчас подскакал к нему сокольничий, поднял журавля и затрубил в серебряный рог. Кречет спустился и сел на рукавицу сокольничего, а тот с добычею к царевичам. Потом спускали еще несколько кречетов. Напоследок оба царевича поехали. Гляжу: прямо к березе, на которой я сидел. Я свету божьего не взвидел! Притаился на суку, словно тетерев от охотника. Царевичи подъехали под самое дерево. Покажи-ка мне «Урядник», сказал Петр Алексеевич сокольничему. Тот вынул книгу из алой бархатной сумки, висевшей у него сбоку на золотой тесьме, и подал царевичу. У меня, куманек, книга-то эта вся переписана. Знакомый подсокольничий меня снабдил. Я ее почти всю наизусть знаю. Куда красно написана! Вот, слышь ты, царевич и начал книгу рассматривать, да и засмеялся, а потом, обращаясь к братцу своему, начал читать вслух из книги: «Новопожалованный Начальный принимает

²² Чепрак – подстилка под седло, поверх потника.

²³ Подсокольничий – помощник сокольничего.

кречета образцовато, красовато, бережно; и держит честно, смело, весело, подправительно, подъявительно, к видению человеческого, и ко красоте кречатьей; и стоит урядно, радостно, уповательно, удивительно». Из всего «Урядника», сказал Петр Алексеевич, мне всего лучше нравится приписка покойного батюшки: «Правды же и суда и милостивыя любви и ратного строя николи же не позабывайте: делу время, и потехе час». Если Бог привел бы меня когда-нибудь быть царем, то я из всего «Урядника» оставил бы только приписку батюшки, а все бы прочее отменил. Царю грешно терять время на соколиную охоту. Лучшая для него потеха: устроить благо своих подданных. Каковы речи, куманек? У меня слезы навернулись! Дай Господи, чтобы Петр Алексеевич был нашим царем!

– А почему так? – спросил, вслушавшись в последние слова, подошедший к ним человек в кафтане с длинными откидными рукавами, сзади связанными узлом, и в низкой бархатной шапке с меховой опушкой. Это был дворянин Сунбулов²⁴.

Лаптев смутился и не знал, что отвечать. Но Борисов, смело глядя в глаза Сунбулову, сказал ему:

– А какая статья твоей чести вмешиваться в наш разговор? Мы вольны говорить, что хотим, с приятелем и никого не просили нас подслушивать. Что ты нам за указчик?

– Потише, потише, господин пятидесятник! Ешь пирог с грибами да держи язык за зубами. Я подам на тебя челобитную в Стрелецкий приказ, так напляшешься!

– Подавай, пожалуй! А теперь советую: отойди подальше. Скажи еще хоть одно слово, так я с тобой по-стрелецки разделаюсь! Суди меня Бог и государь! – воскликнул Борисов, ударив рукою по своей сабле.

– Слово и дело! – закричал Сунбулов.

– Перестань горланить! Я прикажу связать тебя!

– Меня связать? Да разве ты не видишь, что я дворянин? Слово и дело! Слово и дело!

– Что здесь за шум? – спросил пятисотенный Бурмистров, приблизясь к ссорившимся.

– Да вот, Василий Петрович, этот дворянин пристаёт ко мне и буянит. Кричит слово и дело, ни к пути, ни к делу. Норовит, чтоб меня с ним взяли в Тайный приказ. Видишь, что выдумал!

– *Бери мушкет! Стройся!* – закричал князь Долгорукой.

Стрельцы бросились к ружьям, а Бурмистров и Борисов, оставив Сунбулова, поспешили на места свои. Лаптев между тем давно уже скрылся в толпе.

– *Мушкет на плечо! Подыми правую руку! Понеси дугой! Клади руку на мушкет!* – закричал Долгорукой, и ряды ружей, возвысаясь из-за секир, воткнутых в землю, заблистали в воздухе. На Красном Крыльце явился патриарх Иоаким, предшествуемый священнослужителями со святыми иконами и хоругвями и сопровождаемый всею Государственною Думою. На площади водворилось глубокое молчание. Все сняли шапки, и патриарх начал следующую речь:

– Ведомо всем, что благословенное Богом царство российское, пребывая в непорочной христианской вере, по благодати Спасителя нашего Господа Бога Иисуса Христа, было в державе блаженных памяти благочестивого великого государя, царя и великого князя Михаила Федоровича, всея России самодержца; а по нем великом государе царский престол наследовал сын его, благочестивый великий государь, царь и великий князь Алексей Михайлович, всея Великия и Малыя и Белыя России самодержец. По преставлении его восприемником был престола сын его, благочестивый и великий государь, царь и великий князь Феодор Алексеевич. Ныне изволением и судьбами Божиими он великий государь, оставя земное царствие, переселился в вечный покой. Остались братья его государевы благоверные царевичи и великие князья

²⁴ Бергман называет его Самбуловым, вероятно, следуя Голикову; Галем Сумбуловым, а Сумарокос Сунбуловым. Сия последняя фамилия встречается в XII томе «Истории Государства Российского». В разных летописях, описывающих бунты стрельцов, означенный дворянин назван Сунбуловым. (Примеч. автора.) Сунбулов Михаил Исаевич – думный дворянин. Столбик партии Милославских.

Иоанн Алексеевич и Петр Алексеевич. Единодушным согласием и единосердечною мыслию объявите: кому из них государей преемником быть царского скипетра²⁵ и престола?

И подобно грому раздался со всех сторон крик: «Да будет царем нашим царевич Петр Алексеевич!»

– Беззаконно обойти старшего царевича! – закричал после всех Сунбулов. – Надлежит быть на престоле Иоанну Алексеевичу!

– *Здравия и многие лета нашему царю-государю Петру Алексеевичу!* – закричали тысячи голосов. Земля, казалось, дрожала от шума и восклицаний.

Патриарх, обратясь к Государственной Думе, спросил: «Как поступить надлежит?» Все, кроме Милославского и других, немногих приверженцев царевны Софии, отвечали: «Да будет по избранию народа!» Патриарх в сопровождении Думы пошел во дворец, где находился юный Петр с матерью его, царицею Натальею Кирилловною, и благословил его на царство. После этого народ целовал со слезами горести холодную руку Феодора и со слезами восторга державную руку Петра. Закатилось солнце, и граждане, не думая о сне, еще плакали о царе умершем. Взошло солнце, и вся Москва произнесла уже клятву верности царю новому.

²⁵ 1 Скипетр – атрибут царской власти в виде жезла.

III

*Кто узрит нас? Под ризой ночи
Путями тайны мы пройдем,
И будет пир страстям роскошный.*

Глинка

Благовест призывал православных к обедне, когда Сухаревского полка пятисотенный Василий Бурмистров шел в дом к начальнику Стрелецкого приказа князю Михаилу Юрьевичу Долгорукому. Проходя по берегу Москвы-реки и поравнявшись с одним низеньким домиком, увидел он под окнами сидевшую на скамье старушку, одетую в черный сарафан и повязанную платком того же цвета. Она горько плакала. Бурмистров решился подойти к ней и спросить о причине ее горести. Долго рыдания мешали ей отвечать на вопрос прохожего. Наконец она, отняв от глаз платок и взглянув на Бурмистрова, на лице которого живыми красками изобразилось сострадание, сказала ему:

– На что, батюшка, знать тебе про мое горе? Ты мне не поможешь.

– Почему знать, старушка! Может быть, я и найду средство помочь тебе.

– Нет, кормилец мой! Мне уж недолго осталось жить на свете. Скоро прикроет меня гробовая доска, тогда и горю конец! Ох, боярин, боярин! Будешь ты отвечать перед Богом, что обижаешь меня, бедную.

– Про какого боярина говоришь ты, бабушка?

– Бог ему судья! Я не хочу его осуждать и перед добрыми людьми порочить.

– Будь со мною откровенна: скажи, кто твой обидчик. Авось и помогу тебе. Меня знают многие знаменитые бояре. Я замолвлю за тебя слово перед ними. Самому царю ударю челом.

– Спасибо тебе, кормилец, что за меня, беззащитную вдову, вступаешься. Бог заплатит тебе! Знаю, что ты мне не поможешь, но так и быть: я все тебе расскажу. Вон видишь ли там, за крашеным забором, где ворота со львами на вереях²⁶, большой сад и высокие хоромы? Там живет сосед мой, боярин Милославский. Мой покойный сожитель Петр Иванович, по прозвищу Смирнов, здешней приходской церкви священник, оставил мне этот домишко с огородом. Он преставился накануне Крещения незадолго до кончины царя Алексея Михайловича. Вот уж седьмой год, кормилец мой, как я вдовею. Сын мой Андрюша обучается в окодемии, что в Андреевском монастыре. Не отдала бы я его туда ни за что, как бы не покойник муж завещал. Будущим летом, в день святых мученицы Аграфены-Купальницы, минет ему осьмнадцать лет; мог бы уж хлеб доставать да меня, старуху, кормить. А то бьет только баклуши, прости господи! Только и вижу его в праздники; а в будни все в монастыре. Учится там какой-то *кречетской* грамоте, *алтынскому* языку и невесть чему! Как бы не помогала мне дочь Наташа, так давно бы я с голоду померла. Она одним годом помоложе брата, а какая разумная, какая добрая! Самоучкой выучилась золотом вышивать. Успевает и шить, и за хозяйством ходить, а по вечерам читает мне Писание да Жития. И в книжном-то ремесле она, я чай, брату не уступит. В праздник только у нея, моей голубушки, и дела, что с ним за книгой да за грамотой сидеть. Пишет, словно приказный! И брат-то на нее только дивуется. Каково же мне, батюшка, расстаться с такою дочерью!

При этих словах старушка снова горько заплакала, но потом, скрепясь, продолжала:

– Был у меня, батюшка, знакомец, площадной подьячий, Сидор Терентьич Лысков²⁷. Он часто навещал меня, ухаживал за мною, старухой, грамотки писал, по приказам за меня хло-

²⁶ Верея – столб, на который навешивается створка ворот.

²⁷ Площадные подьячие были чиновники, которые записывали и свидетельствовали разные акты частных лиц. Они помещались обыкновенно на площадях и оттого получили свое название. (Примеч. автора.)

потал. Не могла я нахвалиться им. Думала, что он добрый человек, а он-то, злодей, и погубил меня! В прошлом году на моем огорошке всю капусту червь поел, да попущением Божиим от грозы учинился в домишке пожар. Приехали объезжие с решеточными приказчиками²⁸ и с ними целая ватага мужиков с рогатинами, топорами и водоливными трубами. Огонь залили и поставили весь дом вверх дном. Иное перепортили, иное растащили. Наташа с испугу захворала. Пришлось хоть по миру идти! Я и сказала о своей несгоде подьячему. Он дня через два принес мне десять рублей серебряных и сказал, что упрости крестного отца своего, боярина Милославского, помочь мне, бедной, и дать займы без роста и без срока. Принес с собой писаную грамотку и велел в деньгах расписаться Наташе. Она было хотела грамотку прочитать: не дал, лукавец! Сказал, что она приказных дел не смыслит. Я и велела ей расписаться. А сегодня утром пришли ко мне подьячие из Холопьяго приказа и объявили, что Наташа должна у Милославского служить во дворе и что он завтра пришлет за нею своих холопов. Я свету божьего не взвидела! Уж не за долг ли, подумала я, берет боярин к себе Наташу? Побежала к знакомым просить займы десяти рублей, чтобы отдать долг боярину. Бегала, бегала, кланялась в ноги: никто не дал! У всех один ответ: самим, бабушка, есть нечего. Не знаю, что и делать! Наташа с утра пошла навестить больную тетку. Я чай, скоро воротится. Ума не приложу: как сказать ей про мое горе и беду неминучую! Погубила я, окаянная, мою Наташу!

Старуха залилась слезами. Бурмистров, не говоря ни слова, вынул из-под кафтана кожаный кошелек, отдал вдове и, не дав ей опомниться, поспешными шагами удалился. С берега Москвы-реки, входя в улицу, в которой находился дом Долгорукого, увидел он вдали старуху перед ее хижинкой. Она стояла на коленях, с воздетыми руками ко кресту, который по ту сторону реки сиял на главе церкви.

В кошельке было девять клейменных ефимков²⁹, пять золотых и несколько серебряных копеек. Немедленно вдова побежала к Милославскому и, заплатив ефимок слуге, упростила его сказать боярину, что она пришла к нему для уплаты долга. Но через несколько минут слуга вышел к ней с ответом, что дело об ее долге уже кончено и что боярин денег от нее не примет. «Поди, поди! – говорил он, выводя плачущую старуху со двора. – Хотя до завтра кланяйся, не пушу к боярину! Не велено!»

Солнце давно уже закатилось, когда Бурмистров возвращался домой по опустевшим улицам. Пройдя переулком мимо длинного и низкого строения, вышел он на берег Москвы-реки и сел отдохнуть на скамью, стоявшую под окнами небольшого деревянного дома, от которого начинался забор Милославского. Густые облака покрывали небо и умножали вечернюю темноту. В окне, под которым сидел Василий, появился свет, и вскоре кто-то отворил окно, говоря сиплым голосом:

– Угоразила же его нелегкая истопить печь на ночь глядя! Я так угорел, что в глазах зелено. Сядем-ка сюда, к окошку, так угар скорее пройдет.

²⁸ Объезжих можно сравнить с полицеймейстерами конца XIX – начала XX в., а решеточных приказчиков с квартальными надзирателями. В Кремле, в Китай-городе и в Белом было по два объезжих. Они ездили день и ночь по городу с несколькими решеточными приказчиками, взятыми с Земского двора, и стрельцами. С каждых 10 дворов и 10 лавок объезжие назначали по человеку в десятники и в уличные сторожа. Зажиточные люди и каждые 5 дворов, принадлежащих людям небогатым, должны были иметь кадки с водою, ведра, рогатины, топоры и водоливные трубы. Во всех улицах и переулках расписаны были объезжими решеточные приказчики, десятники и уличные сторожа. Они ходили день и ночь и смотрели, чтобы зажиточества, бою, грабежу, корчмы, табаку и инаго какого воровства не было; чтобы никто весною, летом и осенью в теплые и ясные дни домов и мылен не топил и поздно вечером с огнем не сидел. Печь хлеб и готовить кушанье позволялось с 1-го часа дня до 4-го, в особых поварнях или в печах, устроенных на огородах или на дворах не близко домов и прикрытых от ветра лубьем. Для больных и родильниц позволялось топить печи в домах с разрешения объезжих один раз в неделю, равно позволялось всем топить печи в воскресенье и четверток в холодную и ненастную, но не ветреную погоду. Тот, по чьей оплошности или небрежению происходил пожар, наказывался смертию. Священнослужители и причетники церковные состояли в ведомстве особых объезжих, назначавшихся с патриаршего двора. Вот полная картина тогдашнего устройства полиции в Москве. (Примеч. автора.)

²⁹ Ефимками платили иностранцы таможенную пошлину. На них ставили рублевое клеймо и пускали в обращение внутри государства. (Примеч. автора.)

– Боярин давно уж спит во всю Ивановскую! – сказал другой голос. – Можно, я чай, и выпить. Да вот этого не попробовать ли, Мироныч? Тайком у немца купил. Выкурим по трубке!

– Что это? Табак! Ах ты, греховодник! Получше нас с тобой крестный сын боярина Сидор Терентьич, да и тому за эту поганую траву чуть было нос не отрезали. Как бы не крестное целованье, так не уцелеть бы его носу. Сидор-то Терентьич, прости господи, давно продал душу не нашему! Поцелует крест во всякой неправде. А ведь мы с тобой православные! Коли поймают нас с табаком, так мы от кнута-то не отцелуемся³⁰.

– Ну, так выпьем винца.

– Да не корчемное ли?

– Нет, с Отдаточного двора³¹.

– То-то, смотри. За твоё здоровье, Антипыч!

– Допивай скорее; другую налью!

– Нет, будет. Боюсь проспать. Боярин приказал идти за три часа до рассвета с Ванькой да с Федькой за дочерью попадьи Смирновой.

– За какой дочерью?

– Да разве ты ничего не слышал?

– От кого мне слышать! Расскажи, пожалуйста.

– Вот видишь, дело в чем. Боярин с год назад или побольше, за обедней у Николы в Драчах, подметил молодую девку, слышь ты, красавицу! Я с ним был в церкви. Он и приказал мне провести: кто эта девка? После обедни пошла она с молодым парнем домой, а я за ними следом. Гляжу: они вошли в избу, знаешь, там, подле нашего сада, а у ворот сидит мужик с рыжей бородой. Я к нему подсел и разговорился. Он мне рассказал, что эта девка – дочь вдовой попадьи Смирновой, а парень – ее сын. Я и донес обо всем боярину. Тут же случился Сидор Терентьич. Да я давно знаком, молвил он, с этою старухой. Знаком? – спросил боярин. Покойник ее муж учил меня грамоте, отвечал Сидор Терентьич. Боярин меня выслал вон, и начали они о чем-то шептаться. Долго шептались.

В прошлом году... Смотри! Бороду сжег! Эх дремлет! Качается, словно язык на Иване Великом! Не любо слушать, так поди спать.

– Нет, пожалуйста, рассказывай. Невзначай вздремнулось.

– То-то невзначай. Коли еще вздремнешь, так лягу спать, а завтра слова от меня не добьешься. Нaley-ка еще кружку; в горле пересохло. Ну, так вот видишь: в прошлом году у попадьи невзначай дом загорелся, примером сказать, как твоя борода. Наехали объезжие с решеточными и старуху вконец разорили. А Сидор Терентьич и смекнул делом. Написал служилую кабалу. Я ее переписывал. В кабале было сказано: *«Попадья Смирнова с дочерью заняла у боярина Милославского десять рублей на год без росту, а полягут деньги по сроке, то ей, дочери, у государя своего, боярина Милославского, служить за рост по вся дни во дворе; росту она высокого, лицом бела, волосы темно-русые, глаза голубые, 16-ти лет»*³².

– Как так? Я что-то этого в толк не возьму.

– Все дело в том, что дочь попадьи теперь отдана приказом в холопство нашему боярину. Понимаешь ли?

– Разумею. Сиречь она с нами стала одного поля ягода?

³⁰ Оправдаться присягою от обвинения в каком-нибудь преступлении называлось отцеловаться. (Примеч. автора.)

³¹ Кабаки в Москве были еще при царе Алексие Михайловиче уничтожены. Вино продавалось на казенном Кружечном дворе, который в 1681 г. переименован был Московским отдаточным двором. Пойманные с купленным корчемным вином платили в первый раз пеню (j рубля), во второй раз вносили двойную пеню, а им отсчитывали батоги; в третий раз взыскивалась с них пеня вчетверо, и наказывали их кнутом. (Примеч. автора.)

³² Многие в то время давали на себя кабалы за 3 и даже за 2 рубля и, не заплатив в срок денег, делались холопами заимодавцев. Цена рубля равнялась тогда голландскому червонцу. В рубле содержалось 20 серебряных денег или 100 серебряных копеек. (Примеч. автора.)

– Нет, брат, погоди! Боярин-то давно на нее зарился. Жениться он на ней не женится, а полубоярыней-то она будет. Понимаешь ли?

– Разумею. Сиречь она с нами, холопами, водиться не станет.

– Экой тетерев! Совсем не то. Ну да что с тобой теперь толковать! Сам ее завтра увидишь. Боярин, слышь ты, велел привести ее к нему в ночь, чтобы шуму и гаму на улице не наделать. Ведь станет плакать да вопить, окаянная. Она теперь в гостях у тетки, да не минует наших рук. Около дома на всю ночь поставлены сторожа с дубинами, да решеточный приказчик в соседней избе укрывается. Не уйдет голубушка! Дом ее тетки неподалеку... Тьфу пропасть! опять ты задремал. Нет, полно. Пора спать. Завтра ведь до петухов надо подняться.

Окно затворилось, и огонь погас. Выслушав весь разговор, Бурмистров встал со скамьи и поспешил возвратиться домой.

IV

И смотрит вдаль, и ждет с тоской...

«Приди, приди, спаситель!»

Но даль покрыта черной мглой:

Нейдет, нейдет спаситель!

Жуковский

– Вставай, Борисов! – сказал Василий, войдя в свою горницу, освещенную одною лампадою, которая горела перед образом. – Как заспался! Ничего не слышит. Эй, товарищ! – С этими словами он потряс за плечо Борисова, который спал на скамье подле стола, положив под голову свернутый опашень³³.

Борисов потянулся, потер глаза и сел на скамью.

– Уж оттуда не вылезет! – пробормотал он.

– Что такое ты говоришь?

– Так и полетел в омут вниз головами!

– Ты бредишь, я вижу. Опомнись скорее да надевай саблю: нам надо идти.

– Идти? Куда идти?.. Ах, это ты, Василий Петрович. Куда это запропастился? Я ждал, ждал тебя да и вздремнул со скуки. Какой мне страшный и чудный сон привиделся!

– После расскажешь, а теперь поскорее пойдем!

– Ночью-то! Да куда нам идти? Домовых, что ли, пугать?

– Не хочешь, так я один пойду. Эй! Гришка!

Вошел одетый в овчинный полушубок слуга с длинною бороною.

– Беги в первую съезжую избу и позови десятерых из моих молодцов. Скажи, чтоб взяли сабли и ружья с собою! Проворнее! Да вели Федьке заложить вороную в одноколку.

– Куда ты собираешься? – спросил удивленный Борисов. – Вдруг вздумал ехать, да еще и в одноколке! Разве ты забыл царский указ?³⁴

– Не забыл, да в указе про ночь ничего не сказано, и притом никто меня не увидит. Немец Бауман подарил мне одноколку за два дня до указа, и я ни разу еще в ней не ездил. Хочется хоть раз прокатиться.

– Ты, верно, шутишь, Василий Петрович!

Василий, в ожидании стрельцов ходя большими шагами взад и вперед по горнице, сказал Борисову цель своего ночного похода.

– И я с тобой! Куда ты, туда и я. В огонь и в воду готов! Только смотри, чтоб нам не досталось. С Милославским-то шутить не с своим братом.

– Если трусишь, так останься!

– Не к тому мое слово, Василий Петрович! Мне не своей головы, а твоей жаль. Я люблю тебя, как отца родного. Никогда твою хлеб-соль не позабуду. Безродного ты приютил меня, словно брата родного, и вывел в люди.

– Ну полно! Что толковать об этом! Лучше расскажи: что тебе приснилось! Ты говорил, что видел во сне что-то страшное?

– Да, чудный сон! Он что-нибудь да предвещает недоброе. Снилось мне, что мы с тобой стоим на высокой горе. С одной стороны видим долину, да такую долину, что вот так бы и спрыгнул туда! Рай эдемский! С другой стороны гора как ножом срезана. Крутизна – взглянуть

³³ Плащ с длинными рукавами. (Примеч. автора.)

³⁴ Царь Феодор Алексеевич 28 декабря 1681 г. указал боярам, окольным и думным дворянам ездить летом в каретах, а зимой в саних, на двух лошадях; боярам в праздники на четырех лошадях, а на сговоры и свадьбы на шести; спальникам, стольникам, стряпчим и дворянам зимой в саних на одной лошади, а летом верхом. (Примеч. автора.)

страшно, а внизу такой омут, что дна не видать. Смотрим: летит из долины белая голубка. Она села к тебе на плечо. Вдруг с той стороны, где был виден омут, лезет на гору медведь, а за ним скачут, словно лягушки – наше место свято! – восемь бесов, ни дать ни взять как на нашем главном знамени, на котором Страшный Суд изображен. Медведь прямо бросился на тебя, повалил на землю и потащил к омуту, а голубка вспорхнула, начала над тобой виться и жалобно заворковала. Ты с медведем барахтаешься. Я было бросился к тебе на подмогу, ан вдруг бесы схватили меня да и не пускают. Мне так стало горько, так душно, что и наяву, я чай, легче на петле висеть, а лукавые начали вокруг меня плясать и кричать: «Здравствуй, брат! Знаешь ли ты нас? Ступай к нам в гости! Давай пировать!» Я хотел было сотворить крестное знамение и молитву «Да воскреснет Бог!», но окайнные схватили меня за руку и зажали мне рот. Вдруг из долины бежит на гору лев, ну вот точь-в-точь такой, как на картинке, которую подарил тебе начальник наш, князь Михайло Юрьевич. Лев напал на медведя; но бесы завыли, как псы перед пожаром, кинулись на льва и бросили его в омут. Там кто-то громко захохотал совсем не человеческим голосом. Меня подрал мороз по коже. Вдруг в небе появилось над долиной белое облако, а из него лучи во все стороны так и сияют! Солнышко от них побледнело и стало похоже на серебряную тарелку, которую только что принесли в горницу из холодного погреба. Под белым облаком что-то зачернелось. Ближе, ближе! Глядим: летит орел о двух головах. Над самой верхушкой горы остановился и начал спускаться. Крылья такие, что целый полк прикроет! Голубка села опять к тебе на плечо, а медведь и бесы сбежались в кучку и смотрят на орла. И вдруг обернулись они в какого-то страшного зверя с семью головами. Орел схватил его в когти, взвился и опустил в омут. В это самое время ты меня разбудил.

– Ну а что сделалось с голубкой? – спросил Василий.

– Не знаю. Как бы ты не разбудил меня, так я бы посмотрел.

На лестнице послышался шум шагов. Двери отворились, и вошли десять вооруженных стрельцов.

– Ребята! – сказал Василий. – Есть у меня просьба до вас. Один боярин обманом забалил бедную сироту, единственную дочь у старухи-матери. В нынешнюю ночь хочет он взять ее силой к себе во двор. Надобно ее отстоять. Каждому из вас будет по десяти серебряных копеек за работу.

– Благодарствуем твоей милости! – закричали стрельцы. – Рады тебе служить всегда верой и правдой!

– Только смотрите, ребята! Никому ни полслова.

– Не опасайся, Василий Петрович! И пыткой у нас слова не вымучат!

– Я полагаюсь на вас. За мной, ребята!

Василий, сойдя с лестницы, сел с Борисовым в одноколку и выехал со двора на улицу.

– Если кто меня спросит, Гришка, – сказал он слуге, – то говори, что меня потребовал к себе князь Долгорукой.

Он пошевелил вожжами и поехал шагом, для того чтобы шедшие за ним стрельцы не отстали. В некотором расстоянии от дома Смирновой он остановился и вышел из одноколки, приказав Борисову и стрельцам дожидаться его на этом месте. Подойдя к воротам, он постучался в калитку. Залаяла на дворе собака; но калитка не отпирается. Между тем при свете месяца приметил он, что из ворот дома Милославского вышли три человека в татарских полукафтанных и шапках. У каждого был за спиною колчан со стрелами, а в руке большой лук³⁵. В нетерпении начал он стучать в калитку ножами сабли.

– Кто там? – раздался на дворе грубый голос.

– Отпирай.

– Не отопру. Скажи прежде, наш или не наш?

³⁵ Таков был обыкновенный наряд боярских слуг. (Примеч. автора.)

– Отпирай, говорят! Не то калитку вышибу!

– А я тебя дубиной по лбу да с цепи собаку спущу. Много ли вас? Погодите! Вот уж вас объезжие! Они сейчас только проехали и скоро вернутся! Вздумали разбойничать на Москвуреке! Шли бы в глухой переулочек!

– Дурачина! Какой я разбойник! Я знакомец вдовы Смирновой. Мне до нее крайняя нужда.

– Не морочь, брат! Что за нужда ночью до старухи? Убирайся подобиру-поздорову, покамест объезжие не наехали. Худо будет! Да и хозяйки нет дома.

– Скажи по крайней мере, где она?

– Не скажу-ста. Да чу! Никак объезжие едут. Улепетывай, пока цел!

В самом деле раздался вдали конский топот. Легко вообразить себе положение Бурмистрова. Не зная, где живет тетка Натальи, он хотел спросить о том у вдовы Смирновой и сказать ей о своем намерении. А теперь он не знал, на что решиться. Выломить калитку и принудить дворника сказать, где хозяйка или дочь ее, – невозможно; шум мог разбудить людей в доме Милославского и все дело испортить. Притом угрожало приближение объезжих. Гнаться за вышедшими из ворот людьми Милославского – также невозможно; они давно уже переехали Москву-реку и оставили лодку у другого берега. Бежать к мосту – слишком далеко; потеряешь много времени, и притом как попасть на след этих людей? Оставалось возвратиться домой и успокоить себя тем, что употреблены были все средства для исполнения доброго, но невозможного намерения. Василий почти уже решился на последнее и пошел поспешно к своей одноколке; но какой-то внутренний, тайный голос твердил ему: действуй! Лицо его пылало от сильного душевного волнения, и он дивился: почему он с таким усердием старается защитить от утеснителя девушку, никогда им не виданную и известную ему по одним только рассказам. Он сел в одноколку.

– Куда ты теперь? – спросил Борисов.

– Сам не знаю куда! – отвечал Василий. – Поеду куда глаза глядят, а ты с нашими молодцами перейди через мост да подожди меня у лодки, вон видишь, что стоит там, у того берега.

– Ладно! Однако ж не забудь, что скоро светать начнет. А нам, я чаю, надо воротиться домой до рассвета. А то народ пойдет по улицам. Тогда на берегу стоять будет неловко. Если спросят нас: что мы тут делаем? Не сказать же, что лодку или реку стережем. Для лодки-то одиннадцати сторожей много, а Москву-реку никто не украдет.

– Разумеется, что должно возвратиться домой до рассвета. Ступай же на тот берег, а я поеду. Прощай!

Василий скоро скрылся из вида. Борисов и стрельцы переправились через мост, дошли до указанной лодки и сели на берегу. Прошел час: нет Бурмистрова. Проходит другой: все нет, а на безоблачном востоке уже появилась заря.

– Что это вы, добрые молодцы, тут делаете? – спросил вооруженный рогатиною решеточный приказчик, проходивший дозором по берегу Москвы-реки.

– Звезды считаем, дядя! – отвечал Борисов.

– Дело! А много ли насчитали?

– Тьмы тем, да и счет потеряли, и потому собираемся идти домой.

– Дело! А какого полка и чина твоя милость и как прозвание?

– Я небывалого полка пятидесятник Архип Неотвечалов.

– Дело! А не с лихим ли каким умыслом пришли вы сюда, добрые молодцы – не в обиду вам буди сказано, – и по чьему приказу?

– Не с лихим, а с добрым. А по чьему приказу – не скажу, да и сказать нельзя. Накрепко заказано. Э! да уж солнышко взошло. Пойдемте, ребята, домой.

– Дело! А не пойти ли мне за вами следом?

– Пойдешь, так в реку столкнем.

– Дело! Ступайте домой, добрые молодцы. Нет, чтобы вы на объезжих натолкнулись. С ними народу-то много, так с вами управятся. Шутками не отбояритесь! А мне одному, вестимо, с такою гурьбой не сладить.

– Дело! – сказал Борисов, передразнивая приказчика, и пошел скорым шагом со стрельцами по берегу Москвы-реки. Солнце уже высоко поднялось, когда они вошли в свою съезжую избу.

V

Наружность иногда обманчива бывает.
Дмитриев

– Иди попроворнее, красная девица! – говорил дворецкий Милославского, Мироныч, Наталье, ведя ее за руку по улице, к берегу Москвы-реки. – Нам еще осталось пройти с полверсты. Боярин приказал привести тебя до рассвета, а гляди-ка, уж солнышко взошло. Ванька! Возьми ее за другую руку, так ей полегче идти будет. Видишь, больно устала. А ты, Федька, ступай вперед да посмотри, чтоб кто нашу лодку не увел. Теперь уж скоро народ пойдет по улицам.

Федька побежал вперед.

– Оставь меня! – сказала Наталья другому слуге, который хотел взять ее за руку. – Я могу еще идти и без твоей помощи.

– Видишь, какая спесь напала! Не хочет и руки дать нашему брату, холопу. Не бойсь, матушка! Не замараю твоей белой ручки! А если бы и замарал, так завтра пошлют белье стирать или полы мыть, так руки-то вымоешь.

– Не ври пустого, Ванька! – закричал Мироныч. – Наталья будет ключница, а не прачка.

В это время послышался вдали голос плачущей женщины. Дувший с той стороны ветер приносил невнятные слова, из которых можно было только расслышать: «Голубушка ты моя! Наташа ты моя!» Наталья оглянулась и увидела бежавшую за нею мать. Из дома тетки Наталья ушла тихонько с присланными за нею от Милославского людьми; она не хотела прервать сна своей престарелой матери, проведеншей всю ночь в слезах и в утомлении уснувшей перед самым рассветом. Бедная девушка хотела к ней броситься, но, удержанная Миронычем, лишилась чувств. В то же время и мать, потеряв последние силы, упала в изнеможении на землю, далеко не добежав до дочери.

– Провал бы взял эту старую ведьму! – проворчал Мироныч, стараясь поднять Наталью с земли. – Ах, господи! Да она совсем не дышит! Уж не умерла ли? Коли вместо живой принесем к боярину покойнику, да он нас со света сгонит. Ахти беда какая!

– Поташим ее скорее, Мироныч! – сказал Ванька. – Вон кто-то едет в одноколке. Пожалуй, подумает, что мы ее ухостили!

– Что вы делаете тут, бездельники? – закричал Бурмистров, остановив на всем скаку свою лошадь.

– Не твое дело, господин честной! – отвечал Мироныч. – Мы холопы боярина Милославского и знаем, что делаем. Бери ее за ноги, Ванька. Поташим.

– Не тронь! – закричал Василий, соскочив с одноколки и выхватив из-за пояса пистолет.

Мироныч и Ванька остолбенели от страха и вытаращили глаза на Бурмистрова. Он подошел к Наталье, взял ее осторожно за руку и с состраданием глядел на ее лицо, покрытое смертной бледностью, но все еще прелестное.

– Принеси скорее воды! – сказал он слуге.

– А где я возьму? Река не близко отсюда!

– Сейчас принеси, бездельник! – продолжал Василий, наведя на него пистолет.

– Аль сходить, Мироныч? – пробормотал Ванька, прыгнув в сторону от пистолета.

– Не ходи! – крикнул дворецкий, неожиданно бросаясь на Бурмистрова и вырвав пистолет из руки его. – Слушаться всякого побродяги! Садись-ка в свою одноколку да поезжай не оглядываясь! Не то самому пулю в лоб, разбойник! – С этими словами навел он пистолет на Бурмистрова.

Вывхватив из ножен саблю, Василий бросился на дерзкого холопа. Тот выстрелил. Пуля свистнула, задела слегка левое плечо Василья и впилась в деревянный столб забора, отделявшего обширный огород от улицы.

– Разбой! – завопил дворецкий, раненный ударом сабли в ногу, и повалился на землю.

– Разбой! – заревел Ванька, бросаясь бежать и дрожащею рукою доставая стрелу из колчана.

В это самое время послышался вдали конский топот, и вскоре появились на улице, со стороны Москвы-реки, скачущие во весь опор объезжие и несколько решеточных приказчиков.

Бурмистров, бросив саблю, поднял на руки бесчувственную девушку, вскочил в одноколку, левою рукою обхватил Наталью и, прислонив ее к плечу, правую схватил вожжи и полетел, как стрела, преследуемый криком «держи!». Из улицы в улицу, из переулка в переулок гнав без отдыха лошадь, он скрылся наконец из вида преследователей и остановился у ворот своего дома.

– А! Василий Петрович! – воскликнул Борисов, вскочив со скамьи, на которой сидел у калитки, нетерпеливо ожидая его возвращения.

– Отвори скорее ворота.

Борисов отворил и, пропустив на двор одноколку, снова запер ворота.

– Ба, ба, ба! Да ты не один! Ах, боже мой! Что-то? Она без чувств?

– Помогите мне внести ее в горницу.

Они внесли Наталью и положили на постель Бурмистрова. Долго не могли они привести ее в чувство. Наконец она открыла глаза и с удивлением посмотрела вокруг себя.

– Где я? – спросила она слабым голосом.

– В руках добрых людей! – отвечал Василий.

– А где моя бедная матушка? Что случилось с нею? Скажите, ради бога, где она?

– Ты с нею сегодня же увидишься.

– Увижусь? Да не обманываешь ли ты меня?

– Непременно увидишься. Будь только спокойна. Прежде надобно, чтоб силы твои подкрепились несколько.

– Отведи меня, ради бога, скорее к матушке! – Наталья хотела встать, но в бессилии опять упала на постель; в глазах ее потемнело, голова закружилась, и бедная девушка впала в состояние близкое к бесчувственности.

В это время кто-то постучал в калитку. Василий вздрогнул. Борисов подошел к окну, отдернул тафтяную занавеску и, взглянув на улицу, сказал шепотом:

– Это наш приятель, купец Лаптев.

– Выйди к нему, сделай милость; скажи, что я нездоров и никого не велел пускать к себе.

– Ладно.

Борисов вышел в сени и встретил там Лаптева, которому слуга Бурмистрова, Гришка, весьма похोдивший поворотливостию на медведя, в этот раз невпопад отличился и препроводно отворил калитку.

– Василий Петрович очень нездоров! – сказал Борисов, обнимаясь и целуясь с гостем.

– Ах, господи! Я зашел было пригласить его вместе идти к ранней обедне, а потом ко мне на пирог. Что с ним случилось?

– Вдруг схватило!

– Пойдем скорее к нему! Ах, мои батюшки! Долго ли, подумаешь, до беды!

– Он не велел никого пускать к себе.

– Как не велел! Нет, Иван Борисович. Воля твоя! Сердце не терпит. Впусти меня на минутку: я его не потревожу. Писание велит навещать болящих!

– Приди лучше, Андрей Матвеевич, вечером, а теперь, право, нельзя. Меня даже не узнает. Совсем умирает!

– Умирает! Ах, Боже милостивый! Пусти хоть проститься с ним.

Сказав это, растревоженный Лаптев, не слушая возражений Борисова, поспешно пошел к дверям. Борисов схватил его за полу кафтана, но он вырвался, вошел прямо в спальню и, как истукан, остановился, увидев прелестную девушку, лежавшую на кровати, и стоявшего подле нее Василия. Одолеваемый и досадой, и стыдом, и смехом, Борисов начал ходить взад и вперед по сеним, ожидая развязки этого неожиданного приключения и приговаривая тихонько: «Экой грех какой!»

Увидев Лаптева, Василий смутился и покраснел. Это совершенно удостоверило гостя в основательности подозрений, мелькнувших в голове его при входе в комнату. Он, как вкопанный, простоял несколько секунд в величайшем изумлении, смутился и чуть не сгорел со стыда. «Не вовремя же, – думал он, – навестил я больного!» Он поклонился низко Бурмистрову, желая тем показать, что просит прощения в своем промахе и в причиненном беспокойстве, и, не сказав ни слова, поспешно пошел в сени. Борисов, услышав шум шагов Лаптева, из сеней скрылся на чердак.

– Куда ты торопишься, Андрей Матвеевич? – сказал Бурмистров, нагнав Лаптева на лестнице. – Из гостей так скоро не уходят.

– Не в пору гость хуже татарина! Извини, отец мой, что я сдуру к тебе вошел. Мне крайне совестно. На грех мастера нет. Я не знал... я думал... Извини, Василий Петрович!

– И, полно, Андрей Матвеевич, не в чем извиняться. Выслушай!

Василий, введя гостя в сени, объяснил ему все дело.

– Вот что! – воскликнул Лаптев. – Согрешил я, грешный! Недаром Писание не велит осуждать ближнего. Ты защитил сироту, сделал богоугодное дело, а я подумал невесть что.

– Сделай, Андрей Матвеевич, и ты богоугодное дело. Я человек холостой; Наталье Петровне неприлично у меня оставаться; а ты женат: прими ее в свой дом на несколько дней. Я сегодня же пойду к князю Долгорукому и стану просить, чтобы он замолвил за нее слово пред царицей Натальей Кирилловной. Она, верно, заступится за сироту.

– Ладно, Василий Петрович, ладно! Я сегодня же вечером приеду к тебе с женой, в колымаге, за Натальей Петровной. Жена ее укроет в своей светлице; а домашним челядинцам скажем, что она, примером, хоть моя крестница, приехала, примером, хоть из Ярославля...

– И что зовут ее: Ольга Васильевна Иванова.

– Ладно, ладно! Все дело устроим, как быть надобно. А! да уж к обедне звонят. Пора в церковь. Счастливо оставаться, Василий Петрович!

– Теперь и мне выйти можно! – сказал Борисов, отворяя с чердака дверь в сени, у которой подслушал весь разговор Василия с гостем. – Больному нашему стало легче. Теперь, кажется, опасаться нечего.

– Ну, Иван Борисович, спасибо! Напугал ты меня. Я спроста всему поверил да и попал впросак.

– Не взыщи, Андрей Матвеевич! Вперед не ходи туда, куда приятель не пускает.

– Вестимо, не пойду! Однако ж, пора к обедне. Счастливо оставаться.

Лаптев ушел. Василий возвратился в спальню и, подойдя к кровати, приметил, что Наталья погрузилась в глубокий сон. Тихонько вышел он из горницы и затворил дверь. Поручив Борисову быть в сенях на страже и попросить Наталью, если б она без него встала, дожидать его возвращения, Бурмистров пошел к князю Долгорукому. Через час он возвратился с необыкновенно веселым лицом. Борисов тотчас после его ухода запер дверь спальни и, утомленный ночным походом, сел на скамью, начал дремать и вскоре заснул. Едва Василий вошел на лестницу и отворил дверь в сени, Борисов вскочил и со сна закричал во все горло: «Кто идет?»

– Тише, приятель! Ты, я думаю, разбудил Наталью. Она все еще спит?

– Не знаю. Я спальню запер и туда не заглядывал.

– Запер? Вот хорошо!

Василий тихонько отворил дверь и увидел, что Наталья сидит у стола и читает внимательно лежавшую на нем книгу, в которой переписаны были апостольские послания. Он вошел с Борисовым в горницу, извинил его перед Натальей за содержание ее под стражей и сказал:

– Князь Долгорукий сегодня же хотел говорить о тебе, Наталья Петровна, царице. Он уверен, что царица защитит тебя.

– Я возлагаю всю надежду на Бога. Да будет Его святая воля со мною! До гроба сохраню я в сердце благодарность к моему избавителю и благодетелю, хотя я и не знаю его имени. – Последние слова сказала Наталья вполголоса, потупив в землю свои прелестные глаза, наполненные слезами.

Бурмистров сказал ей свое имя. Разговор между ними продолжался до самого вечера. Восхищенный умом девушки, Василий и не заметил, как пролетело время. Лаптев сдержал слово и приехал вечером за Натальей. Проводив ее до колымаги и уверив ее, что она скоро увидится с матерью в своем новом убежище, Василий, всходя по лестнице с Борисовым, крепко сжал ему руку и с жаром сказал: «Какая прелестная девушка! Как рад я, что мне удалось сделать ей услугу».

VI

*Они условились в тиши
И собираются, как звери,
Хранимых Богом растерзать.*

Глинка

Начинало смеркаться, когда боярин Милославский, возвратясь из дворца домой, ходил назад и вперед по горнице, погруженный в размышления. На столе, стоявшем подле окна и покрытом красным сукном, блестела серебряная чернильница и разложено было в порядке множество свитков бумаг. У стола стояла небольшая скамейка с бархатною подушкою. Около стен были устроены скамьи, покрытые коврами. Серебряная лампада горела в углу пред старинным образом Спаса Нерукотворенного.

На боярине блистал кафтан из парчи, с широкими на груди застёжками, украшенными жемчугом и золотыми кисточками. На голове у него была высокая шапка из черной лисицы, похожая на клобук³⁶, расширяющийся кверху. В левой руке держал он маленькую серебряную секиру – знак своего достоинства. С правой руки спущенный рукав почти доставал до полу.

Сев наконец на скамейку, снял он с головы шапку и положил на стол вместе с секирою. Засучив рукав и взяв один из свитков, боярин начал внимательно его читать, разглаживая левою рукою длинную свою бороду.

– Заступись, батюшка, за крестного сына твоего! – закричал, упав ему в ноги, вбежавший площадной подъячий Лысков.

Боярин вздрогнул, оборотился к нему и с удивлением спросил:

– Что с тобой сделалось, Сидор?

– За кабалу, которую написал я, по моей должности и в твою угоду, на дочь вдовой попадья Смирновой, царица приказала поступить со мною по Уложению. Да дьяк Судного приказа поднял старое дело о табаке. Если не заступишься за меня, горемычного, то за лживую кабалу отрубят мне руку, а за табак отрежут нос. Помилосердуй, отец мой! Куда я буду годиться?

– Будь спокоен! Встань! Ручаюсь тебе, что останешься и с рукой, и с носом.

– Князь Долгорукий на меня наябедничал. Уж меня везде ищут; хотят схватить и посадить на тюремный двор до решения приказа.

При имени Долгорукого боярин изменился в лице; губы его задрожали от злобы и досады.

– Останься в моем доме, Сидор. Посмотрим, кто осмелится взять тебя из дома Милославского! А я завтра же подам челобитную царевне Софье Алексеевне. Авось и Долгорукий язык прикусит!

– Вечно за тебя буду Бога молить, отец мой!

Лысков поклонился в ноги Милославскому и поцеловал полу его кафтана.

– Возьми вот этот ключ и поди в верхнюю светлицу, что в сад окошками. Запри за собою дверь, никому не показывайся и не подавай голоса. Один дворецкий будет знать, что ты у меня в доме. С ним буду я присылать тебе с моего стола кушанье. Полно кланяться, поди скорее.

Лысков ушел. Солнце закатилось, и все утихло в доме Милославского. Когда же наступила глубокая ночь, боярин, надев простой, темно-зеленого сукна кафтан и низкую шапку, похожую на скуфью, вышел в сад с потаенным фонарем в руке. Дойдя до небольшого домика, построенного в самом конце сада, он три раза постучал в дверь. Она отворилась, и боярин вошел в домик. Все его окна были закрыты ставнями. Около дубового стола, посередине довольно обширной горницы, освещенной одною свечою, сидели племянник боярина, комнат-

³⁶ Клобук – головной убор монахов.

ный стряпчий Александр Иванович Милославский, из новгородского дворянства кормовой иноземец Озеров³⁷, стольники³⁸ Иван Андреевич и Петр Андреевич Толстые³⁹, городской дворянин Сунбулов, стрелецкие полковники Петров и Одинцов, подполковник Циклер⁴⁰ и пятисотенный Чермной⁴¹.

При появлении Милославского все встали. Боярин занял первое место и, подумав немного, спросил:

– Ну что, любезные друзья, идет ли дело на лад?

– Я отвечаю за весь свой полк! – отвечал Одинцов.

– И мы также за свои полки! – сказали Петров и Циклер.

– Ну а ты, Чермной, что скажешь? – продолжал Милославский.

– Все мои пятьсот молодцев на нашей стороне. За других же пятисотенных ручаться не могу. Может быть, я и наведу их на разум, кроме одного; с тем и говорить опасно.

– Кто же этот несговорчивый?

– Василий Бурмистров, любимец князя Долгорукого. Он нашим полком правит вместо полковника. Я за ним давно присматриваю. Дней за пять он ездил куда-то ночью и привез с собой к утру какую-то девушку, а вечером отправил ее неизвестно куда. Вероятно, к князю Долгорукому, к которому он ходил в тот же день.

– А ты не узнал, как зовут эту девушку?

– Не мог узнать. Один из моих лазутчиков рассказал мне, что этот негодяй в ту же ночь, как привез к себе девушку, ходил с десятистыми стрельцами и пятидесятником Борисовым к дому попады Смирновой, твоей соседки.

– Понимаю! – воскликнул Милославский. – Это его дело... Послушай, Чермной, я даю пятьдесят рублей за голову этого пятисотенного. Он может нам быть опасен.

– И конечно опасен. Его надобно непременно уговорить. Завтра я постараюсь уладить это дело.

– Ну а ты что скажешь, племянник?

– Я достал ключи от Ивановской колокольни, чтобы можно было ударить в набат.

– Мы с братом Петром, – сказал Иван Толстой, – неподалеку от стрелецких слобод, в полуразвалившемся домишке, припасли дюжину бочек с вином для попойки.

– А я шестерых московских дворян перетянул на нашу сторону, – сказал Сунбулов, – да распустил по Москве слух, что Нарышкины замышляют известить царевича Иоанна.

– А я распустил слух, – сказал Озеров, – что Нарышкины хотят всех стрельцов отравить и набрать вместо них войско из перекрещенных татар.

³⁷ Кормовыми иноземцами называли тех из иностранцев, которые, вступив в русскую службу и не получив поместий, содержались жалованьем, производившимся им от казны. Должно полагать, что Озеров был иностранец и поступил в русскую службу, в новгородские дворяне. Что значило в то время сие звание – объяснено выше в примечании на с. 19. Настоящая фамилия его, без сомнения, была другая. Озеровым он, вероятно, был назван уже в России; тогда все иностранные фамилии переделывали на русский лад. Циклера называют наши летописи: Цыкляр. Даже имена посланников были изменяемы. Например: в записках государственного московского архива Гораций Кальвуччи назван Торацыуш Калюцыуш. (Примеч. автора.)

³⁸ Стольник – придворный чин, пятый по значению после бояр, окольничих, думных дворян и думных дьяков.

³⁹ Толстой Иван Андреевич – старший брат П. А. Толстого. Активно действовал на стороне Милославских в событиях мая 1682 г. Толстой Петр Андреевич – сын А. В. Толстого от брака с кн. Милославской, сестрой И. М. Милославского. С 1676 г. – стольник. Принял активное участие в событиях 1682 г. на стороне Милославских. Отличался жестокостью, беспринципностью и коварством. Был одним из руководителей кровавого следствия по делу царевича Алексея. После смерти Петра I – один из первых лиц в руководстве страны. В мае 1727 г. был арестован вследствие конфликта с А. Д. Меншиковым, приговорен к лишению чинов, должностей, графского достоинства и к ссылке.

⁴⁰ Циклер Иван Елисеевич – службу начал в 1671 г. Являясь подполковником стрелецкого Стремянного полка, принял активное участие в событиях 1682 г. на стороне партии Милославских. В феврале 1697 г. арестован по обвинению в заговоре против Петра I и казнен.

⁴¹ Пятисотенный Чермной – Чермной Кузьма Иванович, в 1689 г. в действительности пятидесятник стрелецкого Дементьева полка. Арестован в августе 1689 г. по обвинению в намерении убить царицу Наталью Кирилловну и оскорбительном высказывании в ее адрес. Казнен 12 сентября 1689 г.

– Итак, дело, кажется, идет на лад! – продолжал Милославский. – Остается нам условиться и назначить день. Я придумал, что всего лучше приступить к делу пятнадцатого мая. В этот день убит в Угличе царевич Димитрий⁴². Скажем, что в этот же день Нарышкины убили царевича Иоанна.

– Прекрасная мысль! – воскликнул Циклер. – Воспоминание о царевиче Димитрии расшевелит сердца даже самых робких стрельцов.

– Пред начатием дела надобно будет их напоить хорошенько, – сказал Одинцов. – Это уж забота Ивана Андреевича с братцем; у них и вино готово. Зададим же мы пир Нарышкиным и всем их благоприятелям.

– Уж подлинно будет пир на весь мир! – промолвил Чермной, зверски улыбаясь. – Только вот в чем задача: пристанут ли к нам все полки? Четыре на нашей стороне, если считать и Сухаревский, а пять полков еще ни шьют ни порют. Полковники-то их совсем не туда смотрят. Одно твердят: присяга да присяга! Чтоб не помешали нам, проклятие!

– Велико дело пять полковников! – воскликнул Одинцов. – Сжить их с рук, да и только! Пяти голов жалеть нечего, коли дело идет о счастии целого русского царства.

– Справедливо, – сказал Милославский.

– Ну а если полки-то и без полковников своих, – спросил Сунбулов, – захотят на своем поставить и пойдут против нас? Тогда что мы станем делать?

– Тогда приняться за сабли! – отвечал Одинцов.

– Нет, не за сабли, – возразил Озеров, – а за молоток. Недаром сказано в пословице, что серебряный молоток пробьет и железный потолок. Царевна Софья Алексеевна, я чаю, серебреца-то не пожалеет?

– Разумеется, – сказал Милославский. – Я у нее еще сегодня выпросил на всякий случай казну всех монастырей на Двине. Пошлем нарочного, так и привезет серебряный молоток. Да впрочем, у меня, по милости царевны, есть чем пробить железный потолок и без монастырской казны.

– Нечего сказать, мы довольны милостию царевны! – сказал Сунбулов. – Я чаю, она не забыла, Иван Михайлович, обещания своего: пожаловать меня боярином, когда все благополучно кончится? Я ведь начал дело и подал голос на площади за царевича Иоанна.

– Царевна никогда не забывала своих обещаний, – отвечал Милославский.

– А меня с товарищами в стольники, да по поместью на брата? – спросил Циклер.

– Нечего и спрашивать. Что обещано, то будет исполнено. Ах да! Хорошо, что вспомнил: составил ли ты, племянник, записку, о которой я тебе говорил?

– Готова, – отвечал Александр Милославский и, вынув из кармана свиток, подал дяде. Тот, бегло прочитав записку, покачал головою и сказал:

– И этого, племянник, не умел путем сделать! Артемошку Матвеева-то⁴³ и не написал! Что его миловать? ведь он не святее других. Я тебе вчера сказывал, что царица велела ему возвратиться из ссылки. Он, конечно, помнит, что я ему ссылкой-то удружил. Уж и то худо было, что из Пустозерска перевезли его в Лухов, а то еще едет в Москву! Надобно отправить его туда, откуда никто не возвращается. Хоть список-то и длинненок, однако ж прибавь Матвеева, да напиши поболее таких записок, для раздачи стрельцам. А как будешь раздавать, накрепко накажи им, чтоб никому спуску не было и чтоб начали с Мишки Долгорукого. Не поможешь ли ты, Петр Андреевич, в этом деле племяннику? – продолжал он, обратясь к Толстому.

– С охотой!

⁴² Царевич Димитрий – сын Ивана Грозного и его седьмой жены Марии Нагой, погиб в Угличе 15 мая 1598 г.

⁴³ Матвеев Артемон Сергеевич – сын дьяка. Подростком попал во дворец, воспитывался вместе с будущим царем Алексеем Михайловичем, был одним из главных его советников, позднее возглавил руководство внешней политикой страны. После воцарения Федора Алексеевича был отстранен от руководства Посольским приказом, лишен чинов и отправлен в ссылку по обвинению в колдовстве. После смерти Федора Алексеевича возвращен в Москву. Убит стрельцами 15 мая 1682 г.

В это время кто-то застучал в дверь. Все вздрогнули. Чермной, сидевший на конце стола, встал, вынул из-за кушака длинный нож и тихонько подошел к двери, удерживая дыхание. Посмотрев в замочную скважину, он при свете месяца увидел стоявшую у двери женщину.

Опять раздался стук и вслед за ним едва внятный голос:

– Пустите, я от царевны Софьи Алексеевны к боярину Ивану Михайловичу!

– А! это из наших! – сказал Чермной, отворяя дверь.

Вошла немолодых лет женщина, одетая в сарафан из алого штофа, с рукавами, обшитыми до локтей парчою. Сверх сарафана надет был на ней широкий шелковый балахон с длинными рукавами, который она сняла, вошедши в горницу. На шее у нее блестело широкое жемчужное ожерелье; в ушах висели длинные золотые серьги, а на лице и при слабом сиянии одной свечи заметны были белила и румяна. Стуча высокими каблуками желтых своих сапожков, подошла она к столу и села подле Озерова. Не бывает действия без причины. Почему, например, пришедшая женщина села подле Озерова, а не подле кого-нибудь другого? Потому, что Озеров ей давно приглянулся, а царевна Софья обещала ее выдать за него замуж, если она будет исполнять все ее приказания и ни разу не проболтается. Это была постельница⁴⁴ царевны Софьи, родом из Украйны, по прозванию Назнанная.

– Добро пожаловать, Федора Семеновна! – сказал Милославский. – Верно, от царевны, с приказом?

– С приказом, Иван Михайлович. Царевна велела отдать тебе грамотку, которую ты ей вчера подал, и сказать, что всему быть так, как ты положил; да велела благодарить тебя за твое усердие к ней. Меня было остановил на дороге решеточный. «Куда идешь, бабушка?» – спросил он. «Бабушка! Ах ты хамово поколение! – закричала я. – Ослеп, что ли, ты? Да тебя завтра же повесят, заруют живого в землю! Не видишь, с кем говоришь?» Разглядев мое лицо и мой наряд, решеточный повалился мне в ноги. Я и велела ему лежать ничком на земле до тех пор, пока я не пройду всей улицы. Я чаю, мошенник со страху и теперь еще не встал.

– Итак, все решено, любезные друзья! – сказал Милославский. – Приступим к делу пятнадцатого мая. До тех пор я не буду выезжать из дому и скажусь больным. По ночам собирайтесь здесь для советов и для получения от меня наставлений. Главное дело не робеть. Смелым Бог владеет. Однако уж светает: пора расходиться. Прощай, Федора Семеновна. Скажи царевне, что дело идет на лад и что я все устрою как нельзя лучше.

Все поднялись с мест и вышли один за другим в сад. Боярин удалился в свои комнаты, а прочие, выйдя чрез небольшую калитку в глухой переулок, разошлись по домам.

⁴⁴ Постельница – прислужница по спальне.

VII

*Кто добр поистине: не распложая слова,
В молчаньи тот добро творит.*

Крылов

Пробыв целое утро у князя Долгорукого и получив приказание прийти опять к нему по возвращении из собора Архангела Михаила, куда князь поехал за обедню и панихиду по царю, Бурмистров чрез Фроловские⁴⁵ ворота вошел в Кремль. Раздался благовест с колокольни Ивана Великого. Народ начал собираться в Успенский собор к обедне. Василий вошел в церковь. Когда служба кончилась и народ начал расходиться, на церковной паперти⁴⁶ кто-то ударил слегка Бурмистрова по плечу. Он оглянулся и увидел своего сослуживца, пятисотенного Черного.

– Здорово, товарищ! – сказал ему Чермой. – Какими судьбами ты попал в Успенский собор? Ты обыкновенно ходишь к обедне к Николе в Драчах.

– Да так, вздумалось побывать в соборе и взойти после обедни на Ивановскую колокольню; я уж очень давно на ней не бывал.

– Кстати и мне взобраться туда вместе с тобою и полюбоваться на Москву.

Вместе с этими словами в голове Черного мелькнула адская мысль: воспользоваться случаем и исполнить обещание, данное им накануне Милославскому. Он придумал, взойдя на самый верхний ярус колокольни с Бурмистровым, невзначай толкнуть его вниз, когда он засмотрится на Москву, и сказать потом, что товарищ его упал от собственной неосторожности. Василий, ни в чем не подозревая Черного, согласился идти с ним вместе на колокольню. Пономарь за серебряную копейку отпер им дверь и, к великой досаде Черного, пошел сам вперед по лестнице. Наконец они добрались до самого верхнего яруса.

Василий, подойдя к перилам, начал вдали отыскивать взором дом купца Лаптева. Если кто-нибудь из читателей наших (о читательницах говорить не смеем) бывал влюблен и когда-нибудь смотрел с колокольни или башни на город, то он верно знает, что всего скорее обращаются глаза в ту сторону, где живет любимый человек. С трудом рассмотрев в отдалении дом Лаптева, Василий начал напрягать зрение, думая: не увидит ли окон верхней светлицы и кого-нибудь у окошка? Однако ж и весь дом едва был виден, и потому неудивительно, что Василий понапрасну напрягал зрение, погружаясь между тем все более и более в приятную задумчивость, и наконец, глядя во все глаза на обширную Москву, вместо города увидел пред собою образ своей Натальи, если не в самом деле, то по крайней мере в воображении. Тем временем Чермой выдумывал средство, как бы избавиться от безотвязного пономаря, который, побрякивая ключами и показывая пальцем колокольни разных московских церквей, говорил:

– Погляди-ка, господин честной, отсюда все церкви видны. Одних Никол не перечтешь: вот это Никола у Красных колоколов, это Никола в Драчах, это Никола на Курьих ножках, это Никола на Болвановке, это Никола в Пыжах...

– Знаю, знаю! – твердил сквозь зубы Чермой; но пономарь, не слушая его, продолжал усердно пересчитывать церкви и колокольни.

– Сделай одолжение, любезный! – сказал наконец Чермой. – Вот тебе две серебряные копейки. Я что-то нездоров: нет ли у тебя Богоявленской воды⁴⁷? Я бы выпил немного, так авось мне бы легче стало.

⁴⁵ Спасские.

⁴⁶ Паперть – площадка перед входом в церковь.

⁴⁷ Богоявленская вода – обладающая целебными свойствами вода, освященная в праздник Богоявления 6 (19) января.

– Как не быть, отец мой; только идти-то за ней далеконо! – отвечал пономарь, почесывая затылок и уставив глаза на две серебряные копейки, лежавшие у него на ладони.

– Ну, вот тебе еще копейка, только сделай милость, принеси воды хоть немножко.

– Шутка ли вниз сойти и опять сюда взобраться! Ну да уж так и быть.

Пonomарь пошел вниз, а Чермной, внимательно глядя на Бурмистрова и заметив, что он в глубокой задумчивости стоит у перил, начал украдкой к нему приближаться. Подойдя уже близко к товарищу, он тихонько стал нагибаться, держа в руке серебряную копейку, чтобы сказать, что поднял ее с полу, если б Василий, неожиданно оглянувшись, приметил его движение. Уж он готов был схватить товарища за ноги и перебросить чрез перила, как вдруг опять раздался голос возвратившегося пономаря.

– Не прикажешь ли, отец мой, принести кстати просвиру⁴⁸? Да не поусердствуешь ли копеечкой на церковное строение? В селе Хомякове, Клюквino тож, сгорела недавно церковь.

– Где сгорела церковь? – спросил Бурмистров, выведенный из задумчивости громким голосом пономаря.

– В селе Хомякове, отец мой.

Василий вынул из кармана ефимок и отдал пономарю. И Чермной поневоле последовал его примеру, отдав серебряную копейку, которую держал в руке. Пономарь низко поклонился и, не сказав ни слова, пошел за кружкой простой воды, потому что Богоявленской у него не было.

Когда шум шагов его затих на лестнице, Чермной, видя, что Бурмистров отошел от перил и хочет идти вниз, остановил его и сказал:

– Мы с тобой давнишние сослуживцы, товарищ, и всегда были приятелями. Могу ли я на тебя положиться и поговорить с тобой откровенно об одном важном деле?

– Хочешь – говори, хочешь – нет, это в твоей воле. Я не хочу знать твоих важных дел, если меня опасаешься.

– Если б я тебя опасался, то и не начал бы разговора. Я тебя всегда почитал и любил, и потому решился, как добрый товарищ, предостеречь тебя.

– А от чего бы, например?

– Неужели ты ничего не слыхал и не знаешь? Послушай-ка, что по всей Москве говорят.

– Поговорят да и перестанут.

– Хорошо, как бы тем кончилось.

– А чем же может кончиться?

– Да тем, что и моя голова и твоя не уцелеют.

– Ну, так что ж? Двух смертей не будет, а одной не миновать.

– Я вижу, что ты мне не доверяешь и не хочешь быть со мною откровенен. Может быть, и пожалеешь об этом, да будет поздно. И к чему скрываться от меня? У нас одна цель с тобою: нам не мешало бы соединиться и действовать вместе. Времени терять не должно. Худо будет, если люди станут пахать, а мы руками махать. Пойдем обедать ко мне, товарищ. Я бы за столом сообщил тебе важную тайну. У тебя волосы станут дыбом, даром что ты не трус.

Чермной, не смея напасть открыто на Бурмистрова и не надеясь его пересилить и сбросить с колокольни, решился притвориться преданным царю Петру Алексеевичу, подстрекнуть любопытство Бурмистрова обещанием открыть ему тайну, позвать к себе обедать и за столом отравить его ядом, купленным недавно, по поручению Милославского, в Новой аптеке⁴⁹.

– О чем ты говоришь, Чермной? – сказал Василий. – Что у тебя за ужасная тайна? Право, не понимаю!

⁴⁸ Просвира – белый хлебец особой формы, употребляемый в христианском богослужении.

⁴⁹ В то время во всей Москве были только две аптеки: одна называлась Старою, другая Новою. Первая находилась в Кремле и назначена была исключительно для двора; вторая помещалась в гостином дворе, выстроенном по приказанию царя Алексея Михайловича. (Примеч. автора.)

– Скажи лучше, что понимать не хочешь. Неужели ты не слыхал, что царю Петру Алексеевичу грозит опасность?

– Какая опасность?

– Та самая, о которой ты говорил сегодня с князем Долгоруким и о которой я уже прежде тебя его предупредил.

Бурмистров устремил пронизательный взор на Чермного.

– Спроси самого князя, если мне не веришь. Я обещал ему доставить полное и верное сведение о числе и силе заговорщиков и о всех их замыслах. Надеюсь вскоре исполнить мое обещание, хотя бы мне стоило это жизни. Я готов пролить кровь свою за царя Петра Алексеевича. Давно я на это решился и действую; а ты... думаешь о молодых девушках да прогуливаешься ночью по Москве с твоими стрельцами. Не сердись на меня, товарищ, за правду! Я прямо скажу тебе, что грешно заниматься какою-нибудь девчонкою, когда дело идет о спасении царя.

– Побереги для других твои советы. Я знаю не хуже тебя свои обязанности и докажу на деле, а не словами, что готов умереть за царя.

– Дай руку, товарищ! Будь ко мне доверчив и ничего не скрывай от меня. Станем вместе действовать. Ум хорошо, а два лучше. Богом клянусь, что я стою за правое дело!

– Не клянись, а докажи это. Лучшая клятва в верности царю – кровь, за него пролитая. Тебе не перехитрить меня, Чермной! Ты, как вижу, подглядывал за мною, а я наблюдал за тобою. Напрасно станешь ты клясться, что стоишь за правое дело. Поверю ли я клятвам человека, который недавно уверял некоторых из стрельцов, что можно, не согрешив пред Богом, нарушить присягу, данную царю Петру Алексеевичу? Для кого присяга не священна, того все клятвы пиши на воде.

– Вот и вода! – сказал пономарь, которого лысая голова в это время явилась, как восходящее солнце. Он подошел осторожно к Чермному, чтоб не расплескать воды из принесенной им кружки; но Чермной, раздраженный укоризною Бурмистрова, оттолкнул пономаря и сказал Василию:

– Нас рассудит князь Долгорукий с тобою. Ты обвиняешь верного слугу царского в измене! Или я, или ты положишь голову на плаху.

Сказав это, он пошел вниз.

– Ах ты, бусурман нечестивый! – ворчал между тем пономарь, пустясь за ним в погоню по лестнице. – Да как ты смеешь толкаться, когда я держу кружку с Богоявленской водой. Я половину воды пролил на пол! Да я на тебя святейшему патриарху челом ударю! Татарин, что ли, ты али жид? погоди уж, дешево со мной не разделаешься!

Бурмистров шел за пономарем по лестнице. Чермной скрылся от своего преследователя, и пономарь в самом низу, в дверях, остановил Василья для допроса.

– Скажи, господин честной, кто этот окаянный антихрист, что с тобою наверху разговаривал?

– Не знаю! – отвечал Василий, не желая выдать товарища. – Я вовсе с ним не знаком и в первый раз встретился с ним сегодня. Кажется, он из татар.

– Ну так у него и рожа-то не христианская! Коли держится иной шерсти⁵⁰, так шел бы в свою поганую мечеть; а то лезет на Ивана Великого да пономаря толкает, нечестивец! Счастлив, что ушел: я бы с ним разведался на Патриаршем дворе!

Оставив разгневанного пономаря, Василий поспешил к дому князя Долгорукого.

Кончив вместе с Бурмистровым начатое поутру представление о заговоре, князь поехал к царице Наталье Кирилловне и приказал находившимся в доме его десятерым стрельцам взять под стражу Чермного, когда он, по обещанию, придет к нему вечером. Бурмистров сорвал

⁵⁰ Шерсть – клятва. Так в старину называли иностранные вероисповедования. Выражение сие встречается даже в Уложении. (Примеч. автора.)

личину с лицемерного злодея. Прощаясь с князем, Василий просил дать ему слово, чтобы за открытие заговора не давали ему никакой награды.

– Я не хочу, – говорил он, – чтобы меня могли подозревать в чистоте моих намерений. Открыв заговор, я не искал выслужиться и основать мое счастье на бедствии ближних, хотя и преступных. Я исполнил только священную клятву, данную Помазаннику Божию. За что же награждать меня? Неужели только за то, что я не хотел сделаться преступником и не нарушил священной клятвы? Жизнь царя тесно соединена с благом Отечества и с неприкосновенностью Церкви православной, которую угрожает поколебать Аввакумовская⁵¹ ересь, заразившая большую часть стрельцов. Я всегда был готов умереть за веру, царя и Отечество, но никогда не желал суетных земных наград и почестей, помня слова святого апостола Павла, повелевающего не заботиться о том, как судят о нас люди, и не искать хвалы их, а памятовать, что судия наш – Господь, который в пришествие Свое осветит скрытое во мраке и обнаружит сердечные намерения, и что тогда всякому похвала будет не от людей, а от Бога. Дайте мне слово, князь, не награждать меня.

Князь Долгорукий обнял Бурмистрова, молча пожал ему руку и поехал к царице.

⁵¹ Аввакум (Петров) – протопоп, один из виднейших деятелей раннего старообрядчества. За активные выступления против церковной реформы в 1653–1664 гг. был в ссылке в Восточной Сибири. В 1666 г. расстрижен и сослан в Пустозерск, где создал автобиографическое «Житие», являющееся одной из вершин русской литературы XVII в. Был сожжен в Пустозерске 14 апреля 1682 г.

VIII

*Зачем в полуночной тиши,
Мои лукавые злодеи,
По камням крадетесь, как змеи?*

Глинка

– Полно ли тебе горевать, красная девица! – говорила дородная Варвара Ивановна, жена Лаптева, сидевшей у окна Наталье. – Да ты этак глазки выплачешь.

– Как же мне не плакать, Варвара Ивановна, когда я до сих пор не знаю, где матушка и что с нею сделалось. Может быть, она... – Наталья не могла выговорить ничего более и, рыдая, закрыла платком прелестное лицо свое.

– Полно, моя ягодка, плакать! Ведь Андрей Матвеевич обещал непременно узнать сегодня, где твоя матушка; да и братец твой авось принесет радостную весточку о родительнице. Я чаю, он придет к тебе завтра. Этакая память, прости господи, забыла ведь, какой у нас день сегодня и которое число!

– Суббота, тринадцатое мая, – сказала Наталья.

– Ну, так и есть: завтра братец придет. Полно же горевать, мое наливное яблочко, право, глазки выплачешь.

В это время раздался стук у калитки, и чрез минуту вошел Лаптев с печальным лицом. Не дожидаясь вопроса девушки, он сказал:

– Я не узнал еще, Наталья Петровна, где твоя матушка. Был у братца твоего в монастыре. Завтра чуть свет вместе с ним пойдем искать ее по всему городу. Наверно, ее укрыл какой-нибудь добрый человек. Она не знает, где ты, а ты не знаешь, где она, – вот и вся беда! Полно горевать, Наталья Петровна, Бог милостив. Писание не велит... Ах, господи! Наталья Петровна! что это с тобой? Воды, жена! скорее воды!

Дородная Варвара Ивановна самым скорым шагом, каким только могла, пустилась из верхней светлицы вниз по лестнице, за водою, а Лаптев, сидя на скамье подле Натальи, приклонил к плечу голову девушки и в испуге смотрел на ее бледное лицо и закрывшиеся глаза.

Вскоре Варвара Ивановна, запыхавшись, явилась с кружкой в руке и подала мужу. Брызнув несколько раз в лицо Натальи холодной водою, Лаптев привел ее в чувство и выпил оставшуюся в кружке воду. В это самое время неожиданно вошел в светлицу Бурмистров. Готовясь принести жизнь на жертву царю, он хотел взглянуть в последний раз на Наталью и проститься с старинным своим приятелем, Лаптевым. При входе Василья бледные щеки девушки вдруг вспыхнули. Чтобы скрыть свое смущение, она закрыла лицо платком.

– Ах, господи! – воскликнул сидевший еще подле нее Лаптев. – Ей опять дурно! Жена, еще воды!

Варвара Ивановна, тяжело вздохнув, поднялась со скамейки, на которую села отдыхать после совершенного ею подвига; но Бурмистров предупредил ее и, взяв кружку, побежал вниз. Между тем Наталья оправилась от своего смущения. Вскоре Бурмистров возвратился с кружкой и поставил ее на стол. Несколько времени продолжалось молчание. Бурмистрова занимала одна восхитительная мысль: она меня любит! Лаптев, посадив гостя подле себя, придумывал, с чего начать разговор; Варвара Ивановна придумывала, чем гостя потчевать; а Наталья размышляла: ах, боже мой! не заметил ли он моего смущения?

Наконец Лаптев прервал молчание:

– Что слышно новенького, Василий Петрович? Мы давно уже с тобой... Что это?.. набат?

– Кажется, – сказал Василий.

– Надобно посмотреть, где горит.

Лаптев побежал на чердак, чтобы выйти на кровлю. Варвара Ивановна с Натальей подошли к окну, а Бурмистров к другому.

– Зарева нигде не видать, – сказал возвратившийся Лаптев. – Накрапывает дождик; кровля прескользкая, и вечер такой темный, хоть глаз выколи. Я чуть не свалился с кровли. Однако ж смотрел во все стороны: пожара нигде не заметно. Что бы это значило?.. Да чу!.. где-то ударили в барабаны!

Бурмистров отворил окно и, прислушиваясь к отдаленному звуку барабанов, сказал:

– Бьют тревогу! Прощай, Андрей Матвеевич!

Поклонившись Варваре Ивановне и Наталье, Василий поспешно вышел и у ворот встретил Борисова.

– Я к тебе, Василий Петрович. Хорошо, что ты мне сказал, что пойдешь сюда сегодня вечером, без того верно бы я не нашел тебя. У нас в полку беспокойно!

– Как? Что это значит?

– Гришка Архипов да Фомка Еремин, десятники Колобова полка, пришли к нашим съезжим избам и говорят такие похвальбы, что и слушать страшно.

– А наши что?

– Наши связали их да и посадили в рогатки.

– Хорошо сделали. Ну а еще что?

– Пяти полков стрельцы, кроме нашего, Стремянного, Полтева и Жуковского, разбрелись по Москве; кто на Отдточный двор, кто в торговую баню, кто на колокольню. Напились допьяна, звонят в набат и бьют тревогу.

– Чего же полковники-то смотрят?

– Полковники? Поминай как звали! Всех их втащили на самые высокие каланчи съезжих изб и оттуда сбросили. Не испугайся, Василий Петрович. Стрелец Федька Григорьев, которого ты выкупил недавно от правежа⁵², прибежал ко мне и сказал, что пятисотенный Чермной нанял за пять рублей четырех стрельцов.

– Для чего нанял?

– Для того, чтобы ночью забраться в твой сад, из саду влезть в окно и зарезать тебя, да и меня кстати.

– Посмотрим, удастся ли им это? Пойдем проворнее, Борисов. Скоро уже полночь, а до дому еще недалеко.

Они удвоили шаги и вскоре подошли к дому; постучались – Гришка отпер калитку.

– Недавно, – сказал он, – прискакал сюда верхом десятник от князя Долгорукого с какою-то к тебе, Василий Петрович, посылкою.

– Где он?

– В сенях дожидается. Да вот и он.

Василий развернул свиток, поданный ему десятником, и прочитал: «Возьми двадцать человек надежных стрельцов и в полночь поди с ними к домам пятисотенного Чермного, подполковника Циклера и полковников Петрова и Одинцова. Забрав всех их, свяжи и приведи тотчас ко мне. Мая 13 дня 7190 года. Князь Михаил Долгорукий».

– Съезди поскорее, – сказал Василий десятнику, – к съезжей избе нашего полка и скажи, что я велел позвать к себе теперь же двадцать стрельцов из полсотни Борисова. Скажи, чтобы не забыли ружей и сабель.

⁵² Правежом назывался утвержденный старинными законами нашими татарский обычай взыскания долгов. Должник, приговоренный к платежу долга и не имеющий чем оный заплатить, был выводим разутый перед приказ в то время, как судьи собирались. Пристав во все время заседания приказа бил должника прутом по ноге, не причиняя ему боли, если получал от него какой-нибудь подарок. В противном случае должник подвергался ужасному истязанию, в особенности когда пристав получал подарок от истца. За долг в 100 рублей должно было стоять на правеже месяц. От сего не освобождались и дворяне. Петр Великий отменил сей варварский обычай. (Примеч. автора.)

– Слушаю.

Десятник сел на лошадь и поскакал. Не прошло четверти часа, как явились двадцать стрельцов и стали в ряд на дворе, в молчании ожидая Василья, который с Борисовым побежал в спальню за пистолетами. В то самое время, когда они оба сходили по лестнице, раздался в сенях крик выбежавшего из горницы опрометью Гришки: «Воры, воры!»

Со страху споткнувшись на лестнице, храбрый слуга не сбежал, а пролетел мимо господина своего на двор и чуть не сшиб его с ног.

– Где воры? – спросил Борисов.

– У нас в саду! Целая шайка! Батюшки-светы, что будет с нами?

– В сад, ребята! – закричал Борисов стрельцам. – Ловите разбойников!

Стрельцы бросились в сад вслед за Васильем и Борисовым. При свете месяца увидели они приставленную к окну лестницу и на верхних ступеньках человека. Он силился отворить окно. Два его товарища держали лестницу, и два готовились лезть вслед за ним. Бывший на лестнице, услышав шум, соскочил с самого верха на землю, и все побежали. «Лови! держи!» – закричали стрельцы; но бездельники успели добежать до забора, отделявшего сад Василья от соседнего огорода, вскарабкались на забор и, соскочив в огород, скрылись. Стрельцы хотели пуститься за ними в погоню, но Василий остановил их и повел за ворота. Дойдя до небольшого дома, где жил Циклер, он окружил его и вошел в комнаты. Все двери были настежь отворены и все имущество из дома вывезено. В спальне Циклера увидел Василий секиру, воткнутую перед окном в пол, и привязанный к нему свиток бумаги. Сняв его, он прочитал:

«По ближнему соседству моему с тобою, я знал, что ты ко мне первому придешь сегодня в гости. Милости просим! Жаль только, что хозяина не застанешь дома. Я и все наши там, где тебе не найти нас. О приказе, который получен тобою сегодня, узнали мы прежде тебя. Из этого ты видишь, что нас не перехитрить, да и не пересилить; мы решились твердо стоять за правое дело, и на нашей стороне народу многое множество. Советую тебе взяться за ум. Плетью обуха не перешибешь. С одним полком немного против восьми сделаешь. На Стремянной, Полтев и Жуковский не надейся: все наши. Сухаревский смотрит на тебя и упрямится. Да наплевать на тебя и с твоим полком! И без тебя дело обойдется. Эй, возьмись за ум: худо будет! Не образумишься, так изрубим и втопчем в грязь; а образумишься, так получишь поместье да триста рублей. Слышишь ли? Напиши ответ и положи сегодня же ночью в пустую избушку, что подле моей торговой бани»⁵³.

Бурмистров немедленно пошел со стрельцами к князю Долгорукому и, вручив ему найденный свиток, провел с ним остаток ночи в совещаниях.

⁵³ Стрельцы, по данным им преимуществам, а нередко и против закона, занимались торговлею и разными промыслами, имели лавки, бани и т. п. (Примеч. автора.)

IX

*Нет, нет! У нас святое знамя,
В руках железо, в сердце пламя:
Еще судьба не решена!..*

Карамзин

Ударил первый час дня. Восходящее солнце осветило золототерный Кремль. Послав Бурмистрова к Ивану Кирилловичу Нарышкину⁵⁴ и Артемону Сергеевичу Матвееву с приглашением явиться к царице Наталье Кирилловне для важного совещания, князь Долгорукий поспешил во дворец. Вскоре прибыли туда Нарышкин и Матвеев. Долгорукий встретил их на лестнице и молча подал брату царицы записку Циклера. Нарышкин, прочитав ее, побледнел и передал бумагу Матвееву.

– Опасность велика! – сказал тихо Матвеев, прочитав записку и отдавая ее Долгорукому. – Необходимы твердые и скорые меры. Видела ли царица эту бумагу?

– Нет еще, – отвечал Долгорукий. – Я ожидал вашего прибытия и не велел стряпчему докладывать обо мне.

Войдя в залу, где был стряпчий, Нарышкин сказал ему:

– Донеси царице, что Артемон Сергеевич, Михаил Юрьевич и я просим дозволения войти в ее комнаты.

Стряпчий вышел в другой покой и сказал о боярах постельнице, сидевшей у окна за пядями, в которых она вышивала золотом и жемчугом пелену для образа. Постельница пошла в спальню Натальи Кирилловны и, чрез минуту возвратясь, сказала, что царица немедленно выйдет к боярам. Стряпчий сообщил им ответ, и вскоре постельница, отворив дверь в залу, пригласила бояр войти в горницу, где она сидела за пядями, а сама, оставшись, по приказанию царицы, в зале, начала расспрашивать стряпчего, зачем бояре так рано приехали?

Царица села с боярами к столу, украшенному резьбою и позолотою, и с приметным беспокойством спросила о причине такого раннего их прихода.

– Мы пришли к тебе, государыня, – отвечал Матвеев, – с недобрыми вестями. Однако ж просим тебя не смущаться. Господь поможет смирить замышляющих злое.

– Да будет воля Божия! – отвечала, побледнев, царица. – Я на все готова!.. Скажи, Артемон Сергеевич, что сделалось?

– Циклер, Одинцов и все товарищи их неизвестно куда скрылись. В доме Циклера нашел пятисотенный Бурмистров записку. Прочитай ее, Михаил Юрьевич.

Когда Долгорукий кончил чтение, Матвеев продолжал:

– Мы пришли спросить тебя, государыня, что делать велишь?

– Я полагаюсь во всем на вас. Делайте моим именем все, что признаете нужным.

– Я велел, – сказал Долгорукий, – десяти стрельцам, переодевшись в монашеское платье, разведывать, где скрываются Циклер и прочие заговорщики? Прежде еще получения мною записки этого злодея узнал я вчера, что полки Стремянной, Полтев и Жуковский, которые считал я верными, допустили себя подкупить. Теперь на стороне царевны Софьи Алексеевны восемь полков, а на стороне царя Петра Алексеевича только один Сухаревский. Но не в силе Бог, а в правде! Надобно приказать Сухаревскому полку и Бутырскому⁵⁵ войти сегодня ночью

⁵⁴ Нарышкин Иван Кириллович (1658–1682), старший брат царицы Натальи, боярин. При царе Федоре из-за интриг Милославских был сослан в Рязань, но в 1682 г. возвращен в Москву. По требованию стрельцов он был им выдан и после пытки казнен.

⁵⁵ Бутырский полк принадлежал к числу так называвшихся Солдатских полков. Они состояли из русских солдат и были образованы по-европейски иностранцами. Полковники, подполковники и майоры этих полков были иностранцы, а все прочие

в Кремль и запереть все ворота. Теперь же должно отправить гонцов во все ближние города и монастыри с царским указом, чтобы всякий, кто любит царя, вооружился, чем может, и спешил к Москве защищать его от злодеев, умышляющих пролить священную кровь царскую. Можно назначить сборным местом село Коломенское и послать туда кого-нибудь из бояр для предводительства ополчением, а бунтовщикам объявить, если б они вздумали начать осаду Кремля, что мы будем защищаться до последней крайности, что скоро придет к Москве ополчение и нападет на них, а мы сделаем вылазку и что после того ни одному бунтовщику, который в сражении уцелеет, не будет пощады: всем голову долой! Ручаюсь, государыня, что мятежники оробеют и будут просить помилования.

– А если не оробеют? – сказал Нарышкин.

– Тогда пускай сразятся с нами! – продолжал Долгорукий. – Мы будем держаться в Кремле, покуда не подойдет ополчение и не нападет на них с тыла. Тогда мы сделаем вылазку и разобьем бунтовщиков.

– Более мой! Боже мой! – сказала с глубоким вздохом царица. – Русские станут проливать кровь русских!

– Нет, государыня, – возразил Долгорукий, – презренные бунтовщики, забывающие Бога, нарушающие священную клятву, данную царю и Отечеству, недостойны именоваться русскими.

– Но, может быть, они обольщены обещаниями, обмануты; может быть, прольется кровь многих невинных!.. Неужели нельзя уговорить их? Обещай им, Михаил Юрьевич, какую хочешь награду. Я ничего не пожалею, только бы не лилась кровь христианская. Обещай даже, если нужно, простить стрельцов, которые убили своих полководцев.

– Все это будет бесполезно, государыня. Уговорить их невозможно. Кого они теперь послушают! Царевна Софья давно уже внушила им мысль, что царь Петр Алексеевич наследовал престол противозаконно и что царевича Иоанна, против его воли, бояре, тебе в угоду, удалили от престола. Только главные заговорщики знают истинные намерения властолюбивой царевны, а простые стрельцы убеждены, что они вступаются по справедливости за царевича Иоанна. Вели, государыня, действовать, как я сказал; других средств не вижу для отвращения грозящих бедствий.

– Нельзя ли переговорить с царевной Софьей Алексеевной? – сказал Матвеев. – Пусть откроет она тебе, царица, свои желания и требования: может быть, исполнением их она удовольствуется и не захочет проливать кровь русскую. Ее одно слово успокоит стрельцов. Она ввела их в заблуждение; она же всего легче может их из него и вывести.

– Нет, Артемон Сергеевич! – возразил Нарышкин. – Царевна слишком далеко зашла; она не может уже воротиться, да и не захочет. Она желает царствовать именем Иоанна Алексеевича и погубить ненавистный ей род Нарышкиных. Из этого ты видишь, что переговоры с нею невозможны.

– В таком случае, – сказал Матвеев, – более нечего делать, как согласиться с предложением Михаила Юрьевича. За кровь, которая польется, ответит Богу царевна Софья Алексеевна.

В это время отворилась из залы дверь, вошла поспешно постельница и сказала:

– Царевна Софья Алексеевна изволила приехать к тебе, государыня; она уже на лестнице.

Бояре вскочили с мест своих. Царица молча указала им на дверь, завешенную штофным занавесом. Бояре вошли в темный коридор и, спустись по крутой и узкой лестнице в нижние покои дворца, вышли через другие сени на улицу, избежав таким образом встречи с царевною.

офицеры русские. При царе Алексие Михайловиче было семь таких полков. В царствование преемника его, царя Феодора Алексеевича, число их постепенно уменьшилось. (Примеч. автора.)

– Я пришла, – сказала София, садясь подле царицы, – предостеречь тебя, матушка, от угрожающей опасности. Вся Москва ропщет, что братец Иван обойден в наследовании престола. Вчера два митрополита от лица всего духовенства, несколько бояр и многие выборные от народа били мне челом, чтобы он был объявлен царем московским.

– Ты знаешь, Софья Алексеевна, что он сам уступил престол брату.

– Справедливо, матушка; но не должно пренебрегать народного ропота. Я опасаясь, чтобы не сделалось чего худого. Лучше уступить общему желанию: все хотят, чтобы провозглашен был царем братец Иван.

– Хотят невозможного: московский престол один – и московский царь может быть только один.

– Волнение умов очень сильно; легко могут начаться беспорядки и кровопролитие. Теперь еще есть время поправить дело: братец Иван уступил престол младшему брату, а младший брат пусть возвратит престол старшему. Никто ни слова не скажет, и вся Москва успокоится.

– Нет, Софья Алексеевна! Бог увенчал моего сына царским венцом, один Бог властен теперь лишить его этого венца. Да будет воля Божия!

– Послушай моего искреннего совета, матушка; может быть, раскаешься, да будет поздно.

– Да будет воля Божия! – повторила царица.

Царевна, покраснев от гнева, вскочила с кресел и вышла поспешно из комнаты. Царица, после усердной молитвы за обедней в Успенском соборе, возвратясь во дворец, послала гонца к брату своему Ивану Кирилловичу, боярину Матвееву и князю Долгорукому с приглашением, чтобы они явились к ней на другой день рано утром для окончания начатого ими совещания.

Х

*И криками ночные враны,
Предвозвещающая кровь и раны,
Все полнят ужасом места.*

Петров

Солнце давно уже закатилось. В доме Милославского, которого никто не подозревал в преступных замыслах, собрались заговорщики, а стрельцы около съезжих изб своих зажгли костры, прикатали бочки с вином, подаренные им Толстыми, и принялись за попойку и рассуждения. Несколько пятисотенных, сотников и пятидесятников, покусья обратиться к порядку своих подчиненных, сделались жертвою своего мужества. Их схватили и сбросили, одного за другим, с тех же каланчей, с которых недавно были сброшены верные своему долгу полковники. По совершении этого подвига попойка возобновилась. Шумные разговоры и песни всю ночь не умолкали.

Один из стрельцов, сидящий верхом на опорожненной бочке, с деревянным ковшом в руке. Нечего сказать, Кондратыч, молодец! Ты всех, кажется, усерднее поработал; мне ни одного не удалось сбросить, а ты четверых спровадил.

Другой стрелец. Туда им и дорога! Вздумали нас учить! Ученого учить – только портить. А где Васька Бурмистров с своим поганым полком?

Третий стрелец. А дьявол его знает! Многие было из стрельцов не хотели от нас отстать, да этот краснбай с пятидесятником Ванькою Борисовым их отговорил. Только один Фомка Загуляев из Сухаревского полка с нами остался.

Первый стрелец (*поет сильным басом*).

Против солнца, на востоке,
Стоит келья, монастырь.
Как во том монастыре
Стрелец спасается:
По три раза в день допьяна напивается⁵⁶.

Второй стрелец. Перестань горланить, Ванюха. Страшно слушать этакую еретическую песню. Затяни-ка лучше «Вниз по матушке по Волге».

Первый стрелец. Дай прежде промочить горло. Эй, Павлуха! ты уж чуть на ногах стоишь, а знай себе наливаешь. Налей, кстати, и мой ковш. Мне не хочется сойти с коня-то. Видишь, какой толстый, толще иного монастырского служки, да и в обручах весь. Уж не бойсь, не сшибет!

Четвертый стрелец. Полно вздор молоть, Ванюха, лучше поговорим о деле. Слышали ли вы, ребята, что в прошлую среду приехал сюда ссылочный Матвеев, а третьего дня, в пятницу, опять в бояре пожалован?

Пятый стрелец. Ну, что ж? Пусть его боярствует; ведь он в старину был наш брат стрелец.

Четвертый стрелец. Как так?

Пятый стрелец. Мой покойный дядя рассказывал, что годов за тридцать ходил царь Алексей Михайлыч под Смоленск и что Матвеев помог царю взять этот город. С тех пор царь узнал его и начал жаловать. Матвеев был в то время стрелецким головою, по-нынешнему полковником.

⁵⁶ Старинная народная песня.

Шестой стрелец. Да, нечего сказать, послужил он царю верой и правдой. Когда Алексей Михайлыч вздумал во второй раз жениться, уж он был думным дворянином. В день свадьбы царь пожаловал его окольничим, а через год боярином, в тот самый день, как меня приняли в Стремянной полк из посадских детей. Вот уж скоро минет десять лет, как я стрельцом, а он боярином.

Первый стрелец. Экое диво, боярином! Навязал царю на шею свою питомицу, состряпал свадьбу да и в бояре попал! Этак бы и я умел выслужиться. Нет, ребята, хоть Матвеев и был в старину наш брат, стрелец, а все-таки он ни к черту не годится. Ведь ему Нарышкины-то родня?

Второй стрелец. Говорят, что родня. Кирила-то Полуехтович был бескопеечный дворянин. В свадьбу дочки попал также в окольничие, а через год и в бояре. Залетела ворона в высокие хоромы! А во всем Матвеев виноват: он царя-то приворожил к своей питомице – чтобы ему издохнуть, чернокнижнику! За чернокнижество он и в ссылку попал. Свояк мой, дворецкий боярина Милославского, раз подслушал, как боярин его разговаривал о Матвееве с приятелями. Господи боже мой! да этого мало, что его в ссылку послали: его бы надобно было живьем изжарить на хворосте, проклятого! Страшно и рассказывать, что слышал я от дворецкого.

Пятый стрелец. Что ж ты слышал?

Второй стрелец. Мало ли что! Всякой Еремей про себя разумеи! Ну да уж так и быть, разболтаю я вам все, что знаю. Семь лет крепился. Была пора молчать, а ныне пришла пора и языку волю дать. Однако ж, ребята, чур из избы сору не выносить. Этак, пожалуй, и в Тайный приказ потянут да запытают до смерти! Вот, вишь ты, ребята, дело в чем. Был при покойном царе Алексее Михайлыче, да и ныне еще никак жив, лекарь Гадин⁵⁷. Боярин Матвеев правил тогда Аптекарским приказом, подружился с Гадиным, да и вздумал у него колдовству учиться. Раз боярский карло, Захарка, спал за печкой. Матвееву-то и невдомек. Вот пришел к нему в гости Гадин, принес с собой черную книгу и начал ее с боярином читать. Вдруг – наше место свято! – и полезла в горницу нечистая сила, кто из-под полу, кто в окошко, кто из печки – ну, так и лезут, проклятые! Захарка сидит за печкой ни жив ни мертв и шелохнуться не смеет.

Первый стрелец. Этакая диковина! Стало быть, карло-то видел нечистых. Посмотрел бы хоть одним глазком на них; чай, страшно?

Второй стрелец. Свояк мой расспрашивал Захарку: каковы лукавые с рожи? Он говорил, что больно некрасивы. У иного ноги козлиные, у другого гусиные, у третьего петушьи. Руки у них с когтями, словно грабли; головы почти у всех свиные или змеиные. У всякого притом рога, борода козлиная да хвост с закорючкой.

Первый стрелец. Страсть какая!

Второй стрелец. У иных есть и рыжие борода.

Павлуха. А вот я в тебя пушу ковшом, так ты и не будешь вперед мигать да на меня указывать. Ты думаешь, я пьян, так и не примечу, что ты над моей бородой тешишься. Смотри, Егорка!

Пятый стрелец. Не мешай, Павлуха! дай ему досказать.

Второй стрелец. И начал Гадин с лукавыми разговаривать, а они в один голос закричали: у вас в избе есть третий человек. Матвеев вскочил, взглянул за печку и хватъ Захарку за волосы. Вытащил его, стянул с него шубу и так ударил оземь, что переломил ему два ребра. Потом принялся топтать его и выкинул замертво из горницы. За это, да еще за то, что с Гадиным замышлял он, злодей, испортить покойного царя Федора Алексеича, его и в ссылку послали⁵⁸.

⁵⁷ Даниил фон Гаден, из польских евреев. В 1657 г. он приехал в Москву, поступил в 1659 г. в царскую службу цирюльником и перекрестился в греческую веру. В 1672 г. царь Алексей Михайлович произвел его в докторы медицины. Он пользовался доверенностью двора и был любим боярином Матвеевым, который в письмах и челобитных своих называет его доктором Стефаном. Сие имя дано было ему при крещении в греческую веру. (Примеч. автора.)

⁵⁸ В сем состояли главные преступления, за которые Матвеев был лишен боярства и всего имения и отправлен в ссылку. В

Подлинно: велико еще к нему было милосердие за старые его службы. Сжечь бы его, черно-книжника!

Пятый стрелец. Нет, товарищ, не грехи: все это наговорили на Матвеева его злодеи. Еще покойный царь Федор Алексеич по его челобитным увидел, что он сослан безвинно, велел ему с Мезени, куда его отправили с сыном из Пустозерска, переехать в Лухов и пожаловал ему вотчину в 700 дворов. Похож ли Матвеев на чернокнижника? Нет, брат, он истинно православный христианин. При покойном царе Алексее Михайлыче не было боярина сильнее его, а сделал ли он хоть кому-нибудь какое дурно? Все любили его, как отца родного. Я был еще мальчишкой лет двенадцати, и как теперь гляжу на ветхий дом Матвеева, неподалеку от Николы в Столпах. Царь часто бывал в гостях у боярина и приказывал ему несколько раз перестроить дом на счет царской казны; но Матвеев отговаривался и обещал напоследок дом перестроить, только не на счет казны, а на свои деньги. Понадобился под дом камень. На грех, в целой Москве не случилось тогда ни одного камешка продажного. Что делать? Боярин призадумался. Вдруг на другой день на двор к нему, телега за телегой; глядь – все с камнями. Боярин вышел на крыльцо и спрашивает: откуда и кто прислал? Тогда выборные из стрельцов да из торговых и посадских людей подошли к боярину и ударили челом. Мы слышали, молвили они, о твоей нужде, боярин, и кланяемся тебе камнем. Боярин сказал им спасибо и не хотел принять камня. Я-де могу купить. Но они молвили: «Мы привезли камень с могил отцов и дедов наших; не продадим ни за какие деньги, а дарим тебе, нашему благодетелю». Боярин, видя их такую любовь, заплакал и начал их обнимать. Тотчас же поехал к царю и спросил: как быть? Царь приказал ему принять подарок. «Видно-де, народ тебя любит, когда с могил отцов снял для тебя камень. Такой подарок и мне бы любо было принять от народа».

Первый стрелец. Все так! Да зачем он питомицу-то свою за царя сосватал; без того ее роденьке не бывать бы в чести. Не стали бы Нарышкины царевича Ивана Алексеича изводить, нашу погибель замышлять, новые пошрины выдумывать, задерживать наше жалованье, в праздничные дни заставлять православных работать и обижать встречного и поперечного.

Пятый стрелец. Что правда, то правда! Всякое худо по их приказу делается, хоть они и таятся. Шила в мешке не утаишь. Народ-то стал ныне подогадливее. Да недолго им праздновать; будет и на нашей улице праздник. Икона Знаменья Божией Матери их скоро покарает.

Молодой стрелец. Что это за икона, дядя Савельич?

Пятый стрелец. Неужто ты не знаешь? Правда, где тебе и знать! В Москве только с Юрьева дня, а прежде все жил в захолустье.

Молодой стрелец. Расскажи, дядя, пожалуйста, какая икона Нарышкиных-то покарает?

Пятый стрелец. Бывал ли ты в соборной церкви Знаменского монастыря?

Молодой стрелец. Был раза два.

Пятый стрелец. Был, так верно видел и икону. Эту церковь еще при царе Алексее Михайловиче поновил боярин Иван Михайлович Милославский. Он этой церкви давнишний вкладчик. Там местной образ Знаменья Божией Матери украсил он окладом, жемчугом и самоцветными камнями. Лет с десяток назад, в Николин день, подошла после обедни к образу

челобитной его, посланной в 1677 г. к царю Феодору Алексеевичу из Пустозерска, он оправдывается, говоря, между прочим: 1) что карло его, Захар, не мог слышать его разговора с Гаденом, так как, по его собственному показанию, он в то время спал за печкой и храпел; 2) что он во время сна не мог слышать: храпел ли он или нет; да и спать не мог за печкой, потому что она поставлена у него, боярина, в комнате, где он разговаривал с доктором, у самой стены; 3) что карло не мог видеть нечистых духов, потому что духи, добрые и злые, невидимы; 4) что доносчики, лекарь Давид Берлов и холоп его, Матвеева, карло Захар, сбились в показаниях, потому что сначала говорили, что в комнате был во время явления духов боярин, Гаден и карло, а потом показывали, что был еще в комнате Николай Спафарий (переводчик Посольского приказа, родом из Молдавии, отправленный в 1657 г. посланником в Китай); 5) что два ребра переломил карлу не он, Матвеев, а посадский Иван Соловцев во время игры с карлом и несколькими ребятами; 6) что нечистые духи кричали, по показаниям лекаря и карла: есть у вас в избе третий человек, и 7) что поэтому неизвестно, кто из них очелся, или в счете помешался, и палаты с избыю не poznали, духи ль проклятые и низверженные, или воры Давыдко и карло четырех человек считают за три, а палату называют избыю. (Примеч. автора.)

кликуша. Народу в церкви было еще очень много. «Послушайте меня, православные! – закричала она. – Не потерпит Знаменье Пресвятой Богородицы, чтобы Нарышкины были выше старинных бояр; придет время, пропадут Нарышкины, пропадут во веки веков, аминь!» Потом кликуша завизжала и повалилась на пол. Ее вынесли из церкви и положили на землю у паперти. Все думали, что она умерла, и поскорее разошлись от беды. На другой день по всему городу искали кликушу сыщики. Сгинула да пропала, словно на дно канула! Тогда только и речей было по всей Москве, что об этом. С тех пор всякий, кого обидят Нарышкины, непременно отслужит молебен иконе в Знаменском соборе. Видно, дошли чьи-нибудь молитвы: всем Нарышкиным туго приходит.

Первый стрелец. А что, разве про них что-нибудь уж приказано?

Пятый стрелец. Приказу еще нет, а велено быть готовым. Иван Андреевич Толстой и братец его подарили нам бочки-то для того, чтоб мы не робели. Чего робеть? закричал я: ведь мы за правое дело вступаемся! Только бы ваша милость не оробела, а стрельцы-молодцы рады с чертом подраться!.. Аль ослеп ты, Павлуха, что на меня набрел? Экой олух!

Павлуха. А ты зачем на дороге стал? Мало тебе места-то? Еду не свищу, а наеду не спущу!

Пятый стрелец. Да ты не едешь, а идешь. Эх тебя бросает в стороны! Ой, ты горе-богатырь! Выпил ковш, да уж и глаза вытаращил.

Павлуха. Ковш? Нет, брат, не один ковш, а с полдюжинки наберется. Вишь расхвастался! Ты думаешь, что я и выпить не умею. Выпьем-ста не хуже тебя, да еще и голубца по нитке пройдем.

Первый стрелец. Светает, ребята! Не пора ли по избам?

Второй стрелец. Неужто ты спать хочешь? Этакая баба! Пировать, так пировать всю ночь напролет. Вот, взглянь на Павлуху – молодец! перешел уж к другой бочке. Лежит, а не спит; знай наливает!

Восходящее солнце осветило пирующих. Многие, успев уже подкрепить себя сном, принялись снова за ковши, разговоры и песни. Вдруг у главной съезжей избы раздался звук барабана.

Третий стрелец. Бьют сбор! Побежим, ребята!

Четвертый стрелец. Вставай, Павлуха!

Павлуха. Куда вас леший несет?

Четвертый стрелец. Разве ты не видишь, что все бегут к главной избе? Ведь сбор бьют.

Павлуха. И рад бы в рай, да грехи не пускают! *(Силится встать, но опять падает подле бочки.)* Беги без меня, куда надобно, а я останусь здесь да сам ударю сбор. *(Начинает кулаком барабанить по дну бочки.)*

Четвертый стрелец. Эх нарезался, проклятый! Видно, дело без тебя обойдется. Прощай! *(Убегает.)*

Павлуха. Ай да Федька! Конь бежит, земля дрожит! Словно с цепи сорвался! И я бы побежал, кабы пьян не лежал. Видно, до Нарышкиных добираются. Вот я вас, Хамово поколение, один всех перережу!

Сбежавшиеся у главной избы стрельцы увидели полковников Петрова и Одинцова, подполковника Циклера, пятисотенного Черного, стольника Ивана Толстого, дворян Сунбулова и Озерова. Трое последние одеты были в стрелецкое платье.

– Товарищи! – закричал Циклер. – Москва и все русское царство в опасности! Лекарь фон Гаден признался, что он, по приказанию Нарышкиных, поднес покойному царю яблоко с зельем. Они же, Нарышкины, придумали на поминках по царе угостить всех вас, стрельцов, вином и пивом, и всех отравить. Они замышляют убить царевича Ивана Алексеевича. К ружью, товарищи! Заступитесь за беззащитного! Царевна Софья Алексеевна наградит вас.

– Смерть Нарышкиным! – закричали стрельцы и бросились в свои избы за оружием. Вскоре они собрались опять на площади, с ружьями и секирами, некоторые же с копьями.

Сабель не взяли с собою, по приказанию заговорщиков, которые сочли сабли излишнею тягостию.

– Обрубите покороче древка у секир, товарищи! – закричал Циклер. – С длинным древком секирою труднее рубить головы изменникам!

Приказ был немедленно исполнен. Стрельцы вмиг обрубili древки один у другого. Стук секир смешался с криком: «Смерть изменникам!»

В это самое время на площади появились два всадника, скачущие во весь опор. Это были Александр Милославский, племянник боярина Ивана Михайловича и стольник Петр Толстой. Остановясь пред главною избою, они сказали несколько слов с Циклером и прочими заговорщиками.

– Стройтесь в ряды! – закричали Циклер, Петров и Одинцов. Когда стрельцы исполнили приказание, Милославский и Толстой поехали мимо рядов их. «Сегодня пятнадцатое мая, – кричали они, – сегодня зарезан был в Угличе царевич Димитрий. Сегодня Нарышкины удушили царевича Ивана Алексеевича! Отмстите кровь его и спасите святую Русь!»

Стрельцы в ярости замахали секирами и воскликнули: «Умрем за святую Русь!» Когда шум прекратился, Циклер, сев на лошадь, подъехал к Милославскому, развернул свиток бумаги и, обратясь к стрельцам, сказал: «Вот имена изменников и убийц царевича!» Потом он, Милославский и Толстой, объехав ряды стрельцов, останавливались пред каждою сотнею и повторяли имена жертв, обреченных на гибель. Съехавшись опять пред главною избою, Циклер закричал:

– Грамотные, вперед!

Из рядов двенадцатитысячного войска отделились семь человек. По данному знаку они приблизились к Циклеру и получили от него, Милославского и Толстого списки, приготовленные для стрельцов по приказанию боярина Милославского.

– Смотрите же, – сказал Циклер, – смерть всем убийцам и изменникам, которые в списках означены; чтоб ни один не уцелел!

Стрельцы возвратились со списками на места свои. В это время полковники Петров и Одинцов, верхом, выехали из-за угла одной из съезжих изб. За ними везли пушки и пороховые ящики. Все заговорщики, сев на лошадей, поехали к Знаменскому монастырю. За ними пошло и все войско при шумных восклицаниях. Отслужив молебен, заговорщики вынесли из церкви икону Знамения Божией Матери и чашу святой воды. Стрельцы преклонили оружие пред образом, перекрестились, ударили в барабаны тревогу, подняли знамена и двинулись к Кремлю.

Часть вторая

I

*И там, где зданья величавы
И башни древние царей,
Свидетели протекшей славы, —
Лишь груды тел...*

Батюшков

Вместе с восходом солнца Матвеев, Нарышкин и Долгорукий явились во дворец. Вслед за ними, по приглашению царицы, приехали родитель царицы Кирилл Полиевктович Нарышкин⁵⁹, князя Григорий Григорьевич Ромодановский⁶⁰, Михаил Алегукович Черкасский⁶¹ и другие преданные ей бояре. Большая часть из них, ожидая с часу на час, что пламя бунта вспыхнет, надели под кафтаны латы. Патриарх уведомил царицу, что он занемог и не в силах не только заниматься какими-либо государственными делами, но и встать с постели. Совещание продолжалось несколько часов, и после жарких споров и рассуждений все согласились с мнением князя Михаила Юрьевича Долгорукого. Царица поручила Матвееву съездить немедленно к патриарху, спросить об его здоровье, уведомить о мерах, какие принять было положено, и испросить его благословение.

Едва Матвеев вышел из комнаты, раздался отдаленный громовой удар.

— Что это значит? — сказала царица. — Утро такое ясное, на небе ни одного облачка, неужели это гром?

Князь Черкасский подошел к окну, посмотрел во все стороны и заметил на юге густую тучу, которая быстро поднималась из-за горизонта.

— Собирается гроза, государыня! — сказал он.

— Верно, убьет меня молния! — шепнул князь Долгорукий сидевшему подле него Ивану Кирилловичу Нарышкину. — Мне снилось сегодня ночью, что пророк Илия на огненной колеснице взял меня с собою на небо. После этого сна я до сих пор не могу прийти в себя и чувствую какую-то непонятную тоску. Это даром не пройдет: уж что-нибудь да будет со мною!

— И, полно, Михаил Юрьевич! — возразил вполголоса Нарышкин. — Куда ночь, туда и сон! Неужто ты снам веришь?

Между тем царица отошла к окну и о чем-то тихо разговаривала с своим престарелым родителем. Все бывшие в зале бояре также встали с мест своих и в почтительном молчании смотрели на царицу.

Вдруг отворилась дверь. Матвеев вошел поспешно в залу. На лице его заметно было беспокойство, которое он напрасно скрывать старался. Взоры всех обратились на него, и царица спросила:

— Что ты, Артемон Сергеевич?

⁵⁹ Нарышкин Кирилл Полуектович (1623–1691) — отец царицы Натальи Кирилловны. Был стрелецким головой в Смоленске, воеводой, думным дворянином, окольничим, а затем боярином. В мае 1682 г. по требованию стрельцов пострижен в монахи и отправлен в Кирилло-Белозерский монастырь.

⁶⁰ Ромодановский Григорий Григорьевич — князь. Участник русско-польской войны 1654–1656 гг. В 1656 г. пожалован в окольничие, воевода в Белгороде, боярин. Проявил себя как выдающийся военачальник, умелый администратор. Убит стрельцами 15 мая 1682 г.

⁶¹ Черкасский Михаил Алегукович — князь. Воевода в Новгороде, Казани. Во время событий 15 мая 1682 г. принимал участие в уговорах стрельцов. В 1680-х гг. примыкал к партии Нарышкиных, пользовался большим доверием Петра I.

– Боярин князь Федор Семенович Урусов с подполковниками Стремянного полка Горюшкиным и Дохтуровым попался мне на лестнице. Они говорят, что стрельцы из слобод своих рано утром вступили в Земляной город, оттуда двинулись в Белый; в Китай-городе остановились у Знаменского монастыря и скоро подойдут к Кремлю. Я приказал как можно скорее запереть все кремлевские ворота.

– Хорошо, если успеют! – сказал Долгорукий. – А на всякий случай я прикажу около дворца построиться Сухаревскому полку в боевой порядок.

Долгорукий сошел в нижние покои дворца, велел бывшему там пятидесятнику Борисову, с своею полсотнею стрельцов, выйти на площадь и ударить сбор; а Бурмистрова, который там же ожидал приказаний князя, отправил верхом к полковнику Кравгофу с повелением, чтобы он поспешил с своим Бутырским полком к Красному крыльцу. Отряд Борисова вышел на площадь. В это самое время поднялся сильный вихрь, и вой его соединился с ударами грома, которые почти ни на миг не умолкали.

– Бей сбор! – закричал Борисов барабанщику.

Сокрытые около дворца в разных местах стрельцы Сухаревского полка не могли слышать звуков барабана при шуме жестокой бури, столь неожиданно поднявшейся.

Долгорукий, войдя опять в залу, начал говорить царице о сделанных им распоряжениях. В это самое время растворилась дверь, ведущая в комнаты царя Петра и царевича Иоанна, и вошел вместе с ними в залу Кирилл Полиевктович. Царица поспешно приблизилась к своему сыну, крепко обняла его и залилась слезами.

Вдруг на Ивановской колокольне раздался звук колокола.

– Что это значит? – сказал князь Черкасский, подходя к окну. Сильный удар грома заглушил унылый звон колокола. Гром стихнул, но звон продолжался, мешаясь с невнятными криками, раздававшимися на площади, и с барабанным боем. – Они уже у Красного крыльца! – воскликнул Черкасский.

– Кто? бунтовщики? – спросил Долгорукий, вынимая саблю. – Не ошибаешься ли ты, князь? Может быть, это Сухаревский полк?

– Посмотри сам. Вон как машут они секирами! Чу, как кричат! Слышишь ли?

– Я уйму их! – сказал Долгорукий и подошел к двери; но царица остановила его, ужасаясь мысли, что с появлением князя начнется на площади кровопролитие.

– Позволь, Михаил Юрьевич, – сказала она, – чтобы Артемон Сергеевич вышел первый на крыльцо и постарался уговорить мятежников. Надобно узнать, чего они требуют. Может быть, не нужно будет проливать крови... Боже мой!.. крови русских!

Долгорукий отошел от двери, приблизился к князю Черкасскому, смотревшему в окно, и крепко стиснул в руке рукоять своей сабли от негодования, увидев мятежников, окруживших со всех сторон Красное крыльцо густыми толпами.

– Смотри, смотри, Михаил Юрьевич! – закричал Черкасский. – Они ломают на крыльце решетки и перила!

– Государыня! – сказал вошедший в залу подполковник Дохтуров, – меня послал к тебе Артемон Сергеевич. Мятежники думают, что царевич Иван Алексеевич убит, и требуют выдачи его убийц.

– Покажи им царя и царевича. Может быть, они успокоятся, – сказала Наталье Кирилловне отец ее.

Царица взяла за руку Петра и Иоанна и вывела на Красное крыльцо. Толпа стрельцов, избежав на ступени, окружила царицу.

– Ты ли царевич Иван? – спрашивали они.

– Я! – отвечал царевич трепещущим голосом. – Успокойтесь, меня никто не обижал и обижать не думал.

– Ой ли? – сказал один из стоявших подле него стрельцов гигантского роста. – Слышите ли, ребята? – закричал он. – Царевич сам говорит, что ему никто *никакого дурна* не делал! Не идти ли нам по домам?

В ответ на эти слова раздался на площади громкий крик. Бывшие на крыльце стрельцы сошли на площадь. Все кричали, но нельзя было расслышать ни одного слова. Царица с сыном своим и царевичем Иоанном возвратилась во дворец, а Матвеев сошел с крыльца и, воспользовавшись минутою, когда шум утих несколько, начал говорить:

– Я не узнаю в вас, братцы, прежних стрельцов. Вы были всегда храбрыми воинами и верными слугами царскими. Я сам в старину был вашим головою и всегда любил вас, как родных детей. Послушайтесь моего совета. Я не верю, чтобы вы сами захотели покрыть себя вечным позором и восстать против вашего законного царя: верно, подучили вас злые и коварные люди. Не слушайте их: они вас обманывают. Они сказывали вам, что царевич Иван Алексеевич убит, а вы видели сами, что он жив и здоров. Неужели кто-нибудь из вас захочет погубить навеки душу свою? Нет, братцы! Вспомните Бога, вспомните час смертный! Дадите ли вы добрый ответ на Страшном Суде Христовом, когда наругаетесь над крестом Спасителя, который вы целовали с клятвою служить верой и правдой царю Петру Алексеевичу? Успокойтесь, возвратитесь в ваши слободы и докажите, что вы все те же храбрые и верные царю стрельцы.

– Кажись, боярин-то дело говорит! – шептали многие из стрельцов друг другу.

– По домам, ребята! – закричало несколько голосов.

Матвеев, обрадованный действием своего увещания, вошел во дворец и сказал царице, что стрельцы, по-видимому, успокаиваются. Но едва успел он удалиться, раздался в толпе чей-то голос:

– Нарышкины убьют не сегодня, так завтра царевича Ивана! Тогда где мы возьмем другого царя? Поневоле останемся при младшем брате! А тогда Нарышкины пуще возьмут волю и всех стрельцов перевешают! Иван Нарышкин вчера надевал на себя царскую порфиру и похвалялся своими руками удушить царевича!

– Смерть Нарышкиным! – воскликнули тысячи голосов. – Во дворец! Режь изменников!

Стрельцы бросились толпами к Красному крыльцу, но вдруг остановились, увидев на нем князя Михаила Юрьевича Долгорукого с поднятою саблею.

Все притихли. Долгорукий сошел с лестницы.

– Бунтовщики! изменники! – закричал он. – Голова слетит с плеч у первого, кто осмелится хоть одною ногою ступить на это крыльцо! Слушайте меня! Молчать, говорю я вам!.. Что? Меня не слушаться?.. Вели стрелять! – продолжал он, обратясь к Борису, стоявшему с своею полсотнею по левую сторону Красного крыльца.

– *Подыми мушкет ко рту!* – закричал Борис. – *Содми с полки! Возьми пороховой зарядец! Опусти мушкет книзу! Посыпь порох на полку! Поколоти немного о мушкет! Закрой полку! Стряхни! Содми! Положи пульку в мушкет! Положи пыж на пульку! Вынь забойник! Добей пульку и пыж до пороху!*

Оставалось только закричать: «*Приложися! Стреляй!*» Но стрельцы, воспользовавшись продолжительною командою того времени, успели предупредить Борисова. Оглушенный ударом ружейного приклада по голове, он упал без чувств на землю, а стрельцы его, видя невозможность защищаться против превосходной силы, разбежались.

Мятежники после этого бросились на Долгорукого. Сабля его сверкнула, и голова стрельца, который первый подбежал к нему и замахнулся на него секирою, полетела на землю.

– Силен, собака! – закричал, остановясь шагах в двадцати от князя, один из бунтовщиков, бежавших вслед за первым стрельцом. Товарищи его также остановились, издали грозя Долгорукому секирами.

– Ну, что стали, лешие! – крикнул десятник. – Одного струсили!.. Вперед!

– Погоди, я его разом свалю! – сказал стрелец, целясь в князя из ружья.

Раздался выстрел, пуля свистнула, но, попав вскользь по латам князя, которые были на нем надеты под кафтаном, отскочила в сторону и ранила одного из бунтовщиков.

– Что за дьявольщина! – воскликнул десятник. – И пуля его неймет, а бьет наших же!

– За мной, ребята! – закричал пятисотенный Чермной, бросаясь на Долгорукого с толпою мятежников.

– Тыфу ты, черт! Еще срубил одному голову! – воскликнул один из стрельцов, бежавших за Чермным, остановясь и удерживая своего племянника. – погоди, Сенька, не суйся прежде дяди в петлю. Авось и без нас сладят с этим лешим!

– Посмотри-ка, дядя, посмотри! как он саблей-то помахивает. Вон, еще кого-то хватил, ажно секира из рук полетела!

– Нечего сказать, славно отгрызается! Да погоди ужо, не отбоярится! Что это? он сам бросил саблю!

Долгорукий, видя, что ничто не может удержать мятежников, кинул саблю и закричал окружавшим его со всех сторон стрельцам:

– Не хочу долее защищаться и проливать кровь напрасно. Во всю жизнь мою я старался делать вам добро и любил вас, как отец. Не хочу пережить позора, которым вы себя покрываете. Вы хотите изменить вашему законному государю, забываете, что целовали крест Спасителя с клятвою служить царю верой и правдой. Делайте что хотите: за все дадите ответ Богу. Предаю вас праведному суду Его. Я вас любил, как детей, – убейте вашего отца!

– Дядя! на что Чермной кафтан-то с князя снимает? – спросил Сенька своего дядю, который все стоял на прежнем месте, держа за руку племянника.

– Ба, ба, ба! под кафтаном у него латы! Ах он еретик проклятый! Вот так, долой латы, без них легче!

– Взглянь-ка, дядя, он стал теперь ни дать ни взять Рында⁶²: весь бел как снег; никак, на нем атласное полукафтанье. Ну, потащили голубчика! Куда это?

– Вишь ты, на Красное крыльцо. Ай да молодцы, наша братья стрельцы!

Втащив Долгорукого на крыльцо, изверги сбросили его на копья. Кровь несчастного князя потекла ручьями по длинным древкам копий и обагрила руки злодеев. Сбросив его на землю, они принялись за секиры и вскоре с зверским хохотом разбросали разрубленные его члены в разные стороны.

Между тем отряд мятежников ворвался во дворец чрез сени Грановитой палаты. Вбежав в комнаты царицы и, наконец, в ее спальню, злодеи увидели Матвеева.

– Хватайте этого изменника! Тащите, ребята! – закричал сотник.

– Не троньте моего второго отца! – воскликнула царица, схватив Матвеева за руку.

– Ну, что вы стали, олухи! – крикнул сотник. – Что вы на нее смотрите? Тащите, да и только!

– Просите какой хотите награды, только не убивайте его. Что он вам сделал, безжалостные! Лучше меня убейте!

– Ну, ну, ребята, проворнее! Хватайте и тащите изменника. Делайте, что велено. Не робейте.

– Прочь, изверги! – закричал князь Черкасский, бросаясь с саблей к мятежникам, и вырвал из рук их Матвеева, которого они вытащили уже из спальни царицы в другую комнату.

– Не раздражай их, князь Михаил Алегукович, и не подвергай самого себя опасности. Пускай они убьют меня одного, я не боюсь смерти. Во всю жизнь я помнил о часе смертном, я готов умереть.

– Нет, Артемон Сергеевич, жизнь твоя еще нужна для царя и для счастья отечества. Прочь, изменники! Не выдам его! Разрублю голову первому, кто подойдет к нам.

⁶² Рында – телохранитель.

– Ребята! приткните его пикой к стене! – закричал сотник. – Не в плечо, не в плечо, Федька! пониже-то, в левый бок норови! Вот так!

Черкасский, раненный в бок подле самого сердца, упал. Злодеи, схватив Матвеева, вытащили его на Красное крыльцо. Приподняв и показывая боярина толпящимся внизу сообщникам своим, закричали они: «Любо ли вам?»

В ответ раздался крик: «Любо, любо!» – и боярин, столько любимый некогда стрельцами и народом, друг покойного царя Алексея Михайловича и воспитатель матери царя Петра, полетел на острые копы.

– Во дворец! – закричали злодеи. – Ловите прочих изменников!

С этими словами толпа стрельцов, опустив копы, взбежала на Красное крыльцо и рассеялась по всему дворцу. Трепещущая царица, проливая слезы, удалилась с сыном своим и царевичем Иоанном в Грановитую палату. Бояре, князь Григорий Григорьевич, сын его Андрей Ромодановские, подполковники Горюшкин и Дохтуров, пали под ударами секир. В одной из комнат дворца скрывался стольник Федор Петрович Салтыков. Мятежники схватили его.

– Кто ты? – закричал один из стрельцов, приставя острие копы к его сердцу. – Молчишь? Отвечай же! Афанасий Нарышкин, что ли, ты? А! видно, язык не ворочается, – так вот тебе, собака!

Обливаясь кровью, Салтыков упал на пол.

– Боже милосердый! Сын мой! – воскликнул боярин Петр Михайлович Салтыков, войдя в комнату и бросаясь на окровавленный труп своего сына.

– Сын твой? – сказал заколовший его стрелец. – А я думал, что он Афанасий Нарышкин.

– Дал ты маху, Фомка! – сказал десятник. – Кажись, в списке нет Салтыковых. Дай-ка справлюсь.

С этими словами вытащил он из-за кушака список и начал читать по складам.

– Так и есть. Сына-то нет, а батюшка тут. Приколи его! Вишь, больно вопит по сыне: жаль бедного!

Рыдающий старец, обнимая убитого сына, ничего не слышал из разговора стрельцов. Удар секиры, разрубивший ему голову, прекратил его страдания.

– Нам еще есть над кем поработать! – сказал десятник, заткнув за кушак список. – Осталось еще довольно изменников. Пойдем ошарим все другие комнаты: не попадутся ли нам Иван да Афанасий Нарышкины. За их головы цена-то подороже, чем за все прочие положена.

Переходя из комнаты в комнату и встречаясь почти в каждой с другими стрельцами, искавшими своих жертв, десятник увидел наконец спрятавшегося под столом придворного карлика, который, скорчась от страха, прижался к самой стене.

– Эй, ты, кукла! не знаешь ли, где Иван и Афанасий Нарышкины?

– А что дашь, если скажу? – сказал карлик, с притворною смелостью выступя из-под стола.

– Да вот дам тебе раза секирой по макушке.

– Ну-тка дай! Меня-то ничем не убьешь и не заколешь, а тебя самого скорчит в три дуги. Разве ты не знаешь, что все карлики – колдуны?

– Ах ты, чучело! похож ли ты на колдуна? Вот я тебя уgomоню!

– Ну, попробуй! Ударь меня не только секирой, хоть щелчком; тебя разом скорчит.

Стрелец хотел ударить карлика кулаком по голове, но вдруг кулак его разогнулся, и он потрепал колдуна-самозванца по плечу.

– Ты, как я вижу, мал, да удал! Ну, что ссориться с тобою!

– Ага, струсил! Вот так-то лучше!

– И вестимо лучше! Если ты в самом деле колдун, так знаешь всю подноготную и, верно, укажешь нам, куда спрятались эти изменники? А не укажешь, так я не побоюсь твоего кол-

довства: велю пришибить, похороним, да кол осиновый вколотим в спину. Не бойсь, будешь лежать смиренхонько! Говори же, где Нарышкины?

– Иван близко от вас; чуть ли не в этой комнате. Только вам не найти его. Найдут его другие. А Афанасий спрятался в дворцовой церкви Воскресенья на Сенях.

– Пойдем туда! Если ты нас обманул, так осинового кола тебе не миновать! А откуда ты родом, как твое прозвание и давно ли попал в придворные? – спросил десятник карлика.

– Родился я неподалеку от Москвы, зовут меня Фомою Хомяком, а в придворные карлики при царице определил меня брат ее, Афанасий Кириллович.

– Тот самый, который теперь спрятался в церкви?

– Да.

– Не жил ли ты прежде в здешней богадельне? – спросил один из стрельцов. – Я тебя, кажись, там видал.

– Жил, – отвечал карлик.

– Где ж ты колдовству-то обучился, – продолжал стрелец, – неужто в богадельне?

– Колдовству меня обучил покойный дед мой, а в богадельню я вступил только для того, чтобы позабавиться. В две недели я пораспугал там всех: и хромые, и безрукие, и слепые – все разбежались. То-то уж мне сделалось просторно. Хожу, бывало, из горницы в горницу один-одинехонек да посвистываю. Раз царица с Афанасьем Кирилловичем приехала осмотреть богадельню. Он увидел меня и смекнул: на что-де такому малому человеку одному этакой большой дом? «Хочешь ли ты в придворные?» – спросил он меня. «Хочу», – отвечал я. На другой день он приехал за мною, увел во дворец, – и с тех пор служу я при комнатах царицы.

– Не ложь, так правда! – сказал стрелец. – Моя тетка живет лет с тридцать в богадельне, а ни один колдун оттуда ее еще не выживал. Она мне рассказывала, что царица взяла тебя к себе по просьбе Афанасья Нарышкина, сжалась над твоим убожеством.

– А вот увидим! – подхватил десятник. – Покажет ли нам этот колдунишка кого нам надобно? Вот, кажется, дверь в церковь. Коли ты нас обманул, так я тебя за ноги, да и об угол!

Один из стрельцов отыскал пономаря и велел ему отпереть церковь. Пономарь хотел сказать что-то в возражение, но поднятая над головою секира заставила его замолчать и исполнить приказанное.

Афанасий Нарышкин, брат царицы, был комнатным стольником⁶³. Он отказался от боярства; слишком скромно думая о себе и не доверяя своим мнениям, он не хотел мешаться в дела Государственной Думы. Благотворительность была первая потребность души его, цель его жизни. Услышав, что стрельцы везде его ищут, чтобы предать мучительной смерти, он поспешил к священнику церкви Воскресения на Сенях, некогда им облагодетельствованному, и просил таинства исповеди и причастия приготовить его к вечности. Священник убедил его, почти принудил скрыться, не теряя ни минуты, в церкви, под престолом. Придворный карлик, проходя мимо церкви и увидев входивших в нее Нарышкина и священника, подсмотрел, что только один из них вышел оттуда и запер церковные двери.

Вдруг среди тишины, царствовавшей в храме, Нарышкин слышит у дверей шум. Ключ два раза щелкнул – и тяжелая дверь заскрипела, медленно поворачиваясь на железных петлях. Кто-то вошел в церковь. Он слышит голос: «Показывай же нам его! Где он спрятался?» Другой голос отвечает: «Уж я тебе говорю, что он здесь. Вели-ка поставить у окон и дверей часовых».

По шуму шагов Нарышкин мог заключить, что целая толпа ищет его по церкви.

– Смотри ты, колдунишка, если мы его не сыщем – беда тебе! – сказал один голос. – Осталось только один алтарь обыскать.

⁶³ Комнатными стольниками назывались те из стольников, которые служили при столе царском не только в торжественные, но и в обыкновенные дни. Вообще название комнатный прибавлялось к разным тогдашним чинам для отличия и для значения особенной милости и доверенности государя. (Примеч. автора.)

Нарышкин слышит, что северные двери отворяются и несколько человек входят в алтарь.

– И здесь его нет! – говорит голос. – Что, колдунишка, струсил? Вот мы тебя, обманщика! Нет ли разве под престолом изменника? Сунь-ка туда пику, Фомка! Авось голос подаст!

Нарышкин, удерживая дыхание, слышит, что пика проткнула парчевой покров престола. Слегка шаркнув по кафтану Нарышкина, она вонзилась в пол.

– Кажись, никого нет! – сказал голос. – Не приподнять ли покров пикой да не взглянуть ли под престол-то?

– Загляни! – закричал другой голос. – Ба, ба, ба! вот он где, изменник! Тащите его оттуда!

Беззащитного Нарышкина схватили. Он не сказал ни слова своим убийцам, не произнес ни одного жалобного стона. Когда его выносили из алтаря, он взглянул на образ Воскресения Христа, стоявший за престолом, вздохнул, закрыл глаза – и душа его погрузилась в жаркую, предсмертную молитву. Преддверие храма Божиего обращено было в плаху. Секиры злодеев пролили кровь невинного. Разрубленное на части тело Нарышкина изверги сбросили на площадь пред церковью.

– Пойдем теперь отыскивать Ивана Нарышкина! – сказал десятник, подняв на плечо секиру, с которой капала еще кровь. – Скажи-ка нам, колдун, где он?

– Я знаю, где он, но если и скажу, то все вам не найти его! – отвечал карлик.

– А почему так?

– Да так; не найти, и только!

– Заладил одно: не найти! Скажи нам только, где он. Поищем, не сыщем – беда не твоя. Без того я тебя не отпускаю! Гришка! Возьми его за ворот!

– Смотри, Фома – не знаю, как по батюшке, – не скорчи меня, пожалуйста! – сказал Гришка. – Мне приказано взять тебя за ворот, а сам бы я тебя волоском не тронул.

– Не ты велел, так и беда не твоя.

– Ну, ну, отпусти уж его, пострела! – сказал десятник, когда он со стрельцами и карликом вышел из дворца. – Ступай на все четыре стороны, да не поминай нас лихом!

– Счастлив ты, что меня отпустил. Задержи ты меня еще хоть немножко, я бы тебя так испортил, что никакая ворожея не помогла бы тебе!

– Ну, полно гневаться! Да не испортил ли уж ты меня, сказки по правде. Не сгуби понапрасну!

– То-то, не сгуби! Ты уж вполовину испорчен. В дугу тебя не сведет, а только через два дня ты кликать начнешь: залаешь по-собачьему, захрюкаешь по-свиному и заквакаешь по-утиному. Недели две или три без умолку пролаешь, прохрюкаешь да проквакаешь, а после ничего: тем все и кончится.

– Неужто? – воскликнул с ужасом десятник. – Фомушка, батюшка, отец родной, помилуй! Нельзя ли порчу как-нибудь исправить? Легкое ли дело три недели лаять, да к тому еще хрюкать и квакать! Взмилуйся! А не взмилуешься, так, право, секирой хвачу. Пусть же не даром промучусь. Ну что ж такое! Хрюкать так хрюкать, коли на то пойдет! Ведь не умру же от этого, а ты-то, чертов сын, уж не воскреснешь. А все-таки лучше, Фомушка, если б ты со мной помирился и порчу из меня выгнал. Разошлись бы мы с тобой приятелями, подобру-поздорову.

– Ну, ну, хорошо! Полно кланяться-то. Становись на колена.

Десятник с подобострастием исполнил приказание. Прочие стрельцы, окружив карлика и десятника, смотрели на первого с любопытством и страхом.

– Приложи правую ладонь к земле, – закричал колдун, – и зажмурь правый глаз! Правый, говорят тебе, а не левый! Зажмурь крепче, а не то окривеешь.

Десятник, опершись правой рукой о землю, смотрел одним глазом на карла с умоляющим видом.

– Теперь надобно выдернуть у тебя десять седых волос из бороды. Да смотри, не морщиться, а не то беда!

- Выдерни хоть две дюжины, отец родной, сколько угодно, только избавь от порчи!
- Больше десяти не нужно! Раз, два, три, ну, вот и четыре, пять, вот и шесть, семь, вот восемь... Ну, не хорошо, очень худо: больше нет седых-то, все черные!
- Ахти, мой батюшка, неужто нет? Поищи, кормилец! Не сгуби меня, окаянного!
- Постой, постой! Вот, кажется, еще седой волос – девять! Ну а десятого, воля твоя, нет!
- Как не быть, батюшка! Сыщется. Поищи, родимый!
- Говорят тебе, нет! Что ж мне делать! Вина не моя! Вот есть, и не один, с седым кончиком, да черт ли в них. Надобно, чтоб весь был седой.
- В усах-то погляди, отец родной, в усах-то нет ли?
- В усах! Что мне усы! Надобно из бороды.
- Этакая напасть какая! Поищи, почтенный, пожалуйста, постарайся.
- Правда, можно вместо одного седого выдернуть десять черных, если хочешь.
- Дергай, кормилец мой, дергай скорее: только порчу-то выгони!

Выдернув еще десять черных волосов, карлик с важным видом свернул их в комок, поднес ко рту, пошептал что-то и зарыл волосы в землю.

- Ну, ступай теперь. Да вперед не ссорься с нашим братом.

Десятник в восторге вскочил, поклонился карлику в пояс и поспешно пошел от него с своим отрядом, ворча про себя:

- Проклятый! Не будь он такой сильный колдун, так я изрубил бы его в мелкие кусочки! Пострел этакой! Бесенок! Сам бы ты у меня заквакал, сам бы завизжал поросенком под секирой! Я бы тебя!

Обыскав дворец, мятежники рассеялись по всей Москве, грабили дома убитых ими бояр и искали везде Ивана Нарышкина и всех тех, которые успели из дворца скрыться. Родственник царицы, комнатный стольник Иван Фомич Нарышкин, живший за Москвою-рекою, думный дворянин Илларион Иванов и многие другие были отысканы и преданы мучительной смерти.

Солнце явилось из-за туч на прояснившемся западе и осветило бродящих по Москве стрельцов и брошенные ими на площадях жертвы их ярости. Оставив в Кремле многолюдную стражу, мятежники возвратились в свои слободы.

II

*От ужаса ни рук не чувствую, ни ног;
Однако должно скрыть мне робость ради чести.*

Княжнин

Бурмистров, отправленный Долгоруким к Кравгофу, выехал из Кремля на Красную площадь и во весь опор проскакал длинную, прямую улицу, которая шла с этой площади к Покровским воротам. Проехав чрез них, он вскоре достиг Яузы и въехал в Немецкую слободу. По числу улиц и по виду деревянных домов она походила на нынешнее богатое село. В слободе были три церкви, одна кальвинская и две лютеранские. Остановясь у дома Кравгофа и привязав у ворот к кольцу измученную свою лошадь, Бурмистров вошел прямо в спальню полковника, который, затворив дверь и не велев слуге никого впускать к себе, курил тайком трубку⁶⁴. Кравгоф был родом датчанин, но слыл в народе немцем, потому что в старину это название присваивали русские всем западным иностранцам. По его представлению Бутырскому полку дано было красное знамя с вышитою посредине крупными буквами надписью: «*Берегись!*» Он три недели выдумывал эту надпись и остановился на том, что нельзя лучше выразить храбрости полка и того страха, который он наносит неприятелю; но насмешники перетолковали выдумку его по-своему. Кравгоф-то, говорили они, велит своим берегаться и не так чтобы очень храбриться.

— Князь Михаил Юрьевич Долгорукий прислал меня к тебе, господин полковник, с приказанием, чтобы ты шел как можно скорее с полком ко дворцу.

— К творес? — воскликнул Кравгоф, вскочив со стула и проворно опустив трубку в карман длиннополого своего мундира.

— Да, ко дворцу. Восемь стрелецких полков взбунтовались.

— Мой не понимай, што твой каварит.

— Восемь полков взбунтовались, хотят окружить дворец, убить всех бояр, приверженных к царице, провозгласить царем Иоанна Алексеевича. Ради бога, поскорее, господин полковник!

— Ай, ай, ай! какой кудой штук! А хто скасал марширофать с мой польк?

— Меня послал к тебе князь Долгорукий.

— Толгирукий? Гм! Он не есть мой нашальник. Еслип велел сарис, то...

— Помилуй, Матвей Иванович, ты еще рассуждаешь, когда каждый миг дорог.

— Мой сосывать толышен военный совет, а патом марш.

— Побойся Бога, Матвей Иванович, это уж ни на что не похоже. Есть ли теперь время думать о советах?

— Стрелиц не снает слюшпа, и патому так утивлялся! Гей! Сеньке!

Вошел Сенька, слуга полковника.

— Побеши х геспетин польпольковник, х майор, х каптень, х порушик, потпорушик, прапоршик, скаши, штоп все припешал ко мне. Ешо вели свать отин ротна писарь.

Бурмистров, видя, что нет возможности принудить упрямого Кравгофа к перемене своего намерения, в величайшей досаде отошел к окну и, скрестив на груди руки, начал смотреть на улицу. Чрез несколько времени стали собираться приглашенные для военного совета офицеры Бутырского полка.

⁶⁴ Табак запрещено было курить даже и иностранцам. Полковник фон Деллен, по обвинению патриарха Никона, был наказан кнутом за употребление табака. (Примеч. автора.)

Сначала вошел майор Рейт, англичанин, потом подполковник Биельке, швед, с капитаном Лыковым. Когда и все прочие офицеры собрались, Кравгоф приказал ротному писарю Фомину принести бумаги и чернилицу, пригласил всех сесть и сказал:

– Князь Толгирукий прислал вот этот косподин стрелица скасать, што восемь полък вспунтирофались и штоп наша полък марш ко творса. Сарись не скасаль нишего. Натопна ли марш?

– Господи, твоя воля! – воскликнул капитан Лыков. – Восемь полков взбунтовались! Да что же тут толковать? Пойдем, побежим драться, да и только!

– Косподин каптень! твой не тольшна каварить преште млатший офицер! – воскликнул Кравгоф. – Косподин млатший прапорщик, што твой тумает?

– Тотчас же идти ко дворцу и драться!

– Траться? Гм! Косподины все прошие прапорщик, што ви тумает?

– Драться! – отвечали в один голос прапорщики.

– А косподины потпорушики и порушики?

– Драться!

– А где ешо три каптень? Зашем вишу отин?

– Двое захворали, а один, как известно, в отпуске, – отвечал Лыков.

– А зашем нет рапорт о их полеснь?

– Есть, господин полковник! Я вчера подал, – сказал ротный писарь.

– Карашо!.. Ну а косподин Ликов, што твой тумает?

– Я думаю, что надобно дать время бунтовщикам войти в Кремль, окружить дворец и сделать, что им заблагорассудится, а потом идти не торопясь ко дворцу, взглянуть, что они сделали, и разойтись по домам.

– Твой смеет шутить, косподин каптень! Твой смеет смеяться! – закричал Кравгоф, вскочив со своего места. – Я твой велю сатить на арест.

– За что, господин полковник? Меня спрашивают: что я думаю? я должен отвечать.

– Твой кавариль сперва траться!

– Я и теперь скажу, что без драки дело не обойдется и что надобно бежать ко дворцу, не теряя ни минуты.

– Мальши, каптень! Мой снает не хуше твой поряток. Косподин майор, што твой тумает?

– Я думаю, что тут нечего долго думать, а должно действовать! – отвечал сквозь зубы Рейт, довольно чисто говоривший по-русски; он давно уже жил в России.

– А твой што скашет, косподин польпольковник?

– Мой скашет, што в такой вашний дело нушно сперва тумать, карашенька тумать. Сперва план, диспозиция, а патом марш!

– Карашо, весьма карашо! Мой сокласна. Фомкин! Тай пумага с перо; я сделай тотшас план и диспозиция.

Выведенный из терпения медленностию Кравгофа, Бурмистров вскочил со своего места и хотел что-то сказать; но вдруг отворилась дверь, и вбежал прапорщик Сидоров, посланный еще накануне полковником в Москву с каким-то поручением.

– Бунт! – закричал он. – Стрельцы убили князя Долгорукого и ворвались во дворец! Я сам видел, как несчастного князя сбросили с Красного крыльца на копы и разрубили секирами!

– Боже милостивый! – воскликнул Бурмистров, сплеснув руками. – Господин полковник, господа офицеры! Вспомните Бога, вспомните присягу! Пойдем против мятежников, защитим царя или умрем за него!

– Умрем за царя! – закричали все, выхватив шпаги. Кравгоф и Биельке также вытащили из ножен свои мечи. Первый при этом воскликнул: «Да, да! Пудем все умереть!» Биельке прибавил: «Да, да! И мой пудет умереть!»

– Zounds⁶⁵! – заревел басом англичанин Рейт, бросаясь к дверям с обнаженной шпагой. В дверях столкнулся он с капралом Григорьевым.

– Где господин полковник? – спросил капрал.

– Што твой натошна? – сказал Кравгоф.

Капрал, вытянувшись перед ним, начал говорить:

– Все солдаты нашего полка и с капралами разбежались. Теперь, я чаю, одни домовые остались в избах. Я хотел своих солдат остановить, спрашиваю: куда? – ничего не говорят, хватают ружья да бегут. Что прикажете делать, господин полковник?

– Какой кудой шток, какой кудой шток! – повторял Кравгоф, ходя в беспокойстве взад и вперед по комнате.

Бурмистров, поклонясь полковнику и прочим офицерам, вышел, сел на лошадь и поскакал в Кремль.

– Вон бежит по улице солдат с ружьем! – сказал Лыков. – Так бы и приколот бездельника!

– Где пешит? – сказал Кравгоф, приблизясь к растворенному окну. – Гей! сольдат! сольдат! Кута твой пешит?

Солдат взглянул на окно и побежал далее, не останавливаясь.

– Косподины офицер! – воскликнул Кравгоф. – Сольдаты вспунтирофались! Што стелать с постельники? Сольдат не хошет каварить с комантир! О, я его наушаю каварить! Косподины офицер! што ваш тумает стелать?

– А вот я его заставлю говорить! – проворчал Лыков, выбегая из комнаты. Нагнав солдата, он остановил его, отнял ружье и привел, держа за ворот, к полковнику. Приставив к груди его шпагу, капитан закричал:

– Сейчас говори, бездельник, куда ты бежал и зачем? Если солжешь, так я тебя разом приткну к стене.

– Виноват, батюшка! Помилуй! Скажу всю правду-истину! Вчера ходил у нас по избам какой-то дворянин, роздал много денег и обещал еще два эстолька, если мы заступимся за царевича Ивана Алексеича. Он сказал, что все стрельцы на стороне царевича и что когда они войдут в Кремль, то он пришлет гонца за нами. Гонец приехал, мы и бросились в Кремль. Помилуйте, государи-батюшки! наше дело солдатское; солдат глуп: всему верит!

– Всему верит! – воскликнул Лыков. – Ах ты, злодей-мошенник! Видишь, каким простаком прикидывается. Разве ты забыл присягу? Целовал ли ты крест, чтобы служить царю Петру Алексеевичу верой и правдой?

– Целовал, батюшка, целовал!

– А что же ты теперь делаешь? Дали алтына четыре, так душу и продал Сатане! Беги, куда бежал, мы тебя не держим. Стрельцы взбунтовались против царя, и ты бунтуй с ними вместе; стрельцы забыли Бога, и ты забудь. Беги, любезный, беги к ним, прямо к Сатане в когти. Что ж ты стоишь? я тебя не держу.

– Да, да, постельник! Твой путут садить на ад и шарить на горяч, красна калена сковорот! – сказал Кравгоф, думая, что он удачно подделался к простым понятиям солдата о вечных мучениях и сильно на него подействовал.

Солдат, пораженный словами капитана, почувствовал всю меру своего преступления, заплакал и упал к ногам его.

– Приколи меня, батюшка! – говорил он, всхлипывая. – Погубил я свою душу! Приколи меня, окаянного! Отрекся я от Бога. Отцы мои родные, казните, расстреляйте меня!

– Нет; тебя расстрелять еще не за что. Конечно, грех твой велик, но если расскаешься и загладишь вину свою добрым делом, то Бог простит тебя! Чем бежать прямо в когти Сатане,

⁶⁵ Английское восклицание, соответствующее французскому «morbleu!».

пустись-ка лучше вдогонку за своими товарищами и уговаривай всех, чтоб они не позорили имени русского изменой и не губили душ своих!

Солдат, обняв ноги капитана, вскочил. Лицо его сверкнуло радостью и мужеством.

– Побегу! – воскликнул он. – Стану уговаривать, чтобы образумились и стали грудью за царя. Не послушают, так штыком начну бунтовщиков усовещивать.

– Вот это дело, брат! – сказал Лыков. – И капитан твой побежит вместе с тобою на доброе дело.

– И мы все! – закричали офицеры.

– И ми! Да! И ми! – прибавили Кравгоф и Биельке.

– Идем! марш! – воскликнул громовым голосом Рейт, махая шпагой. – Смерть всем бунтовщикам и изменникам!.. Это что за дьявольщина! – крикнул он, отворив дверь и увидев несколько солдат, стоявших в сенях.

– Стой! – закричали солдаты, прицелясь из ружей в Рейта. – Не велено никого пускать отсюда. Вокруг дома целая рота!

– Я уж как-нибудь пролезу! – закричал Лыков и бросился в двери. Рейт хотел удержать его за руку, но не успел. Усовещенный Лыковым солдат, бывший с офицерами в комнате, схватил ружье свое и побежал за капитаном.

Несколько ружей прицелились в них, когда они из сеней вышли на улицу.

– Что вы, мошенники! – крикнул Лыков таким ужасным голосом, что вся окружавшая его толпа солдат вздрогнула. – Да как у вас рука-то поднялась прицелиться в меня, вашего капитана! Испугать меня вздумали? Не испугаете! Плюю я на смерть и на вас всех, бездельников. Видите ли, я вот стою, не бегу, не хочу даже и защищаться. Разбойники, что ли, вы или православные солдаты? Ну, ну, кто из вас отдал душу черту, тот прикладывайся и пали в Лыкова. Бровь не поморщу, упаду с радостью на сырую землю за царя и правое дело. Что ж вы ружья-то опустили?.. Видно, совесть заговорила?.. Слушайте, ребята! Кто меня любит, тот сейчас поднимай на штык подлеца, который осмелится в капитана выстрелить. Спроведьте его подлую душонку прямо в ад, к Сатане в гости. Ну, ну, что ж в меня никто не стреляет? Что?.. Головы повесили, беспутые! стыдно в глаза посмотреть мне, вашему капитану. Ах вы, бараны безмозглые, вороны пустоголовые! Да что это вы затеяли? Какой злодей, какой дьявол вас натолкнул на такое богопротивное дело? Если б вы видели, как мое сердце болит за вас! Жаль, куда мне жаль вас: вы до сих пор были brave солдаты, христиане православные. Эх! как жаль мне вас, солдатушки!.. – Лыков прослезился.

– Виноваты! – заговорили некоторые. – Виноваты, отец наш, капитан! – подхватили многие голоса. – Виноваты! – крикнули наконец все солдаты в один голос. – Согрешили Богу и государю!

Лыков вмиг утер слезы, бодро и весело поднял голову и окинул глазами всех солдат, поправляя усы.

– То-то, виноваты! Велик ваш грех, но можно в нем покаяться – и все дело поправить. Выкиньте дурь из головы да меня послушайтесь. Пойдемте-ка унимать бунтовщиков. Коли согласны, так и я командовать начну. Смирно! Стройся!

Солдаты поспешно построились в ряды.

– На караул! Раз! Два! Гаркнем ура! да и марш!

– Ура! – крикнули единодушно солдаты.

– Спасибо, ребята! Теперь скорым шагом марш!

Вся рота двинулась за капитаном. Прочие офицеры, бывшие в доме, последовали за нею. Но они пришли уже поздно в Кремль: на площади лежали одни жертвы; палачей уже там не было.

III

*Подъялась вновь усталая секира
И жертву новую зовет.*

Пушкин

На другой день, шестнадцатого мая, рано утром, шел отряд стрельцов по одной из главных улиц Белого города. Поравнявшись с домом князя Юрия Алексеевича Долгорукого, отца начальника стрельцов, убитого ими накануне, они остановились и начали стучаться в ворота.

Малорослый слуга отворил калитку и едва устоял на ногах от ужаса, увидев пришедших гостей.

- Дома ли боярин? – спросил один из них.
- Как не быть дома! Дома, отец мой! – отвечал слуга, заикаясь.
- Скажи боярину, чтоб он вышел на крыльцо: нам до него есть нужда.
- Слушаю! – сказал слуга и побежал на лестницу.

Через несколько времени явился на крыльце восьмидесятилетний князь. Он был без шапки, и ветер развеивал его седые волосы. Лицо старца выражало глубокую скорбь.

– Мы пришли к тебе, боярин, просить прощения, – сказал стрелец, стоявший впереди своих товарищей, – погорячились мы вчера и убили твоего сына!

- Бог вас простит! Я не стану укорять вас. Мне не воскресить уже сына!
- Спасибо тебе, боярин, что зла не помнишь! – сказал стрелец.
- Спасибо! – закричала вся толпа.

– Если же дать нам выпить за твое здоровье и за упокой души твоего сына! – продолжал стоявший впереди стрелец. – У тебя, я чаю, погреб-то, как полная чаша!

Князь, не ответив ни слова, вошел в свою спальню, сел у окна и приказал слуге отпереть для стрельцов свой погреб. Выкатив оттуда бочку, незваные гости расположились на дворе, потребовали несколько кружек и начали пить. Малорослый слуга, отворивший им калитку, потчевал их и низко кланялся.

- Скажи-ка ты, холоп, старик-то вопил вчера по сыне? – спросил один из стрельцов.

– Как же; отец мой. Он лежал хворый в постели; а как услышал про свое горе, то стал на колена перед святыми иконами да так и облился слезами. – Приметив неудовольствие на лице стрельца, слуга примолвил: – Не то чтобы с горя заплакал, а с радости. «Много ты мне стоил забот и кручины! – сказал он. – Спасибо добрым людям, что тебя ухаживали!»

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.